

Он возомнил себя Богом и начал карать...

ЕСЛИ ВЫ ДО СИХ ПОР НЕ ЧИТАЛИ
АНДРЕЯ ВОРОНИНА – САМОЕ ВРЕМЯ ИСПРАВИТЬ ЭТУ ОШИБКУ

коммерсант

Андрей Воронин

УБИЙЦА

НЕ ПРИДЕТ НА ПОХОРОНЫ

ДЕТЕКТИВ

Мужество бессмертно

Му-Му

Андрей Воронин

Убийца не придет на похороны

«ХАРВЕСТ»

2014

УДК 821.161.1(476)-312.4
ББК 84(4Бей=411.2)-445.7

Воронин А. Н.

Убийца не придет на похороны / А. Н. Воронин — «ХАРВЕСТ»,
2014 — (Му-Му)

ISBN 978-985-18-3222-0

Остросюжетный роман «Убийца не придет на похороны» Андрея Воронина – еще одно произведение, принадлежащее к масштабному циклу «Му-му». Главный герой книги каскадер Сергей Дорогин, он хорошо умеет выполнять свою работу, однако, как оказалось, совершенно не научился отличать врагов от друзей и отвечать адекватными действиями на жестокость. Прозрение пришло к нему лишь, когда он потерял детей, жену, доброе имя и четыре года, проведенные им в тюрьме. Однако он выжил, и теперь Сергею остается лишь мстить. Это история опасных и запутанных приключений человека, для которого взгляд в лицо Смерти – это образ жизни. Почему? Прочитаете сами...

УДК 821.161.1(476)-312.4

ББК 84(4Бей=411.2)-445.7

ISBN 978-985-18-3222-0

© Воронин А. Н., 2014

© ХАРВЕСТ, 2014

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	26
Глава 6	31
Глава 7	39
Глава 8	50
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Андрей Воронин

Убийца не придет на похороны

© Воронин А., 2014

© Подготовка, оформление. ООО «Харвест», 2014

Глава 1

Телефонный звонок вора в законе Александра Данилина, более известного под кличкой Резаный, не был простой прихотью. Не стал бы он выдергивать из-за стола Чекана, когда тому несказанно везло, не будь на то причины. Хотя еще час тому назад сам Резаный посмеялся бы, скажи ему кто-нибудь, что он начнет дрожащими пальцами тыкать в кнопки радиотелефона и, закусив губу, просить Чекана приехать.

Резаный никого не боялся, все боялись его. Он даже охраны толковой в своем особняке, расположенном на окраине Клина, не держал. Жил себе спокойно вместе с женой, третьей по счету, и с племянником, оставшимся на его содержании после смерти брата. В свои пятьдесят Резаный был очень уважаемым человеком как в криминальных кругах, так и среди соседей. Коттедж свой он поставил не среди особняков новой российской знати, а в районе сплошь заставленном простыми, почти деревенскими с виду избушками.

Пятьдесят лет – возраст солидный, редко кому из криминальных авторитетов удается дожить до шестого десятка, а кто доживает, постепенно отходит от дел. В преступном мире, как и любом другом сообществе людей, существуют почетные посты, на которые ставят, выбирают людей заслуженных.

Резаный вот уже пять лет держал общак, получал деньги, следил за их расходом. О том, где именно находятся воровские деньги, не знал никто, кроме него самого. Небольшая часть была брошена в дело, хоть это и претило Резаному, воспитанному на старой воровской закваске, а большая часть, которая могла незамедлительно понадобиться на подкуп, на гонорар адвокату, на грев зоны была припрятана в надежном месте.

С самого утра Резаный чувствовал себя отлично. Как всегда совершил пробежку вдоль реки, несмотря на холод и дождь, позанимался на турнике, встретился с ребятами. А вот к вечеру почувствовал себя неважно – у него впервые сдало сердце. Резаный даже не поверил собственным ощущениям, когда у него кольнуло в левой стороне груди, замер, сидя за столом, не донеся до рта стакан густого томатного сока. Посмотрел на своих домашних: нет, никто не заметил. Молодая жена накладывала племяннику жареную картошку. Тот смотрел на мачеху.

Резаный отставил стакан и подошел к окну. Своего племянника Диму он любил больше, чем всех остальных людей на свете. У того была жива мать, но после смерти брата Резаный настоял на том, чтобы мальчика отдали ему. Он хотел дать ему приличное образование, каждый год на все лето посылал за границу, чтобы тот мог осваивать иностранные языки. Дима вполне сносно говорил по-английски, по-немецки и по-французски. Резаный словно бы узнавал в мальчишке самого себя – несостоявшегося: смысленный, шустрый нигде не пропадет.

Самому ему пришлось закончить тюремные университеты, а вот Диме он прочил другое будущее.

«Вот же незадача какая, – думал Резаный, стоя у окна, вцепившись в дубовый подоконник холодеющими пальцами, прислушиваясь к своему сердцу. То билось неровно, судорожно, то и дело отзываясь болью. – Никогда я не помнил, есть оно у меня или нет, а тут прихватило».

Он вышел из столовой, сел на террасе. Оттуда открывался вид на город. Он достал сигарету, глубоко затянулся. Почему-то ему казалось, что дым заставит сердце успокоиться.

«Это же надо, – продолжал рассуждать Резаный, – никто в жизни меня не сумел обломать – ни пуля не брала, ни нож. Сколько раз на меня наезжали, а тут просто кольнуло в груди и сразу холодок по спине. Рано мне уходить, мальчишка еще не вырос. Тринадцать лет – не возраст. Мне бы еще пяток продержаться...»

Вновь кольнуло. Резаный замер, прислушиваясь к непривычным ощущениям. Страх сковал его душу, страшно было умереть по-глупому.

И только тут он понял, что так мучило его. Нет, не за племянника он боится, не за себя. Если он уйдет из жизни, то никто не узнает где деньги, где общак.

Жена старалась не приставать к мужу с расспросами. Он ее отучил от этого, начиная с первого дня совместной жизни. Раз вышел на террасу, не окончив обед, значит так и надо.

До самых сумерек Резаный сидел, глядя, как солнце, едва видное сквозь тучи, завершает свой путь по небосводу. Сердце вроде бы уже не беспокоило, но теперь Резаный не мог думать ни о чем другом, кроме своего здоровья. Таблеток в доме отродясь не водилось, разве что в автомобильной аптечке.

С наступлением темноты Александр Данилин закрылся у себя в кабинете и задумался.

«Надо готовить себе кого-то в приемники, посвятить в дела. Как-никак, не мои это деньги. Общак, это святое, без него на зоне братве не выжить».

Резаный перебирал в уме всех, кто хоть мало-мальски был пригоден к такому делу, но остановить выбор на ком-то одном было сложно. Кто-то слишком жаден, кто-то безрассудно смел. А здесь требуется холодный расчет, твердость, умение ждать. Все меньше и меньше оставалось кандидатур. К тому же слово Резаного было бы не последним, все должно было решиться позже, на сходке, а умереть он мог и сегодня.

И вот, когда дом уже целый час был погружен в полную тишину, нарушаемую порывами ветра да монотонным бормотанием дождя, Резаный тихо проговорил:

– Чекан, больше никому, – и вновь прислушался к сердцу. То билось неровно, то частило, то ухало. И чем больше Резаный прислушивался к нему, тем больше душу его охватывал страх.

Он даже не заметил, как телефонная трубка оказалась в его руке. По памяти набрал номер. Ответил ему телохранитель Чекана.

– Мне по хрен, что он просил не тревожить.

– Да, да, именно. Срочно!

Договорившись с Чеканом, Резаный почувствовал себя немного лучше.

«Ну вот, придет, поговорим. Загляну ему в глаза и пойму, готов он перенять дела или же предложу кого другого. А сам займусь мальчишкой».

Резаный положил трубку на толстое стекло, покрывавшее письменный стол, и устало откинулся на спинку по стариковски уютного кресла.

«Через час-полтора будут. Столько я продержусь, без сомнений».

До полночи оставалось пятнадцать минут. Во дворе старого дома на улице Ярослава Гашека, неподалеку от ресторана «Пекин» остановился шикарный темно-синий «БМВ». Из автомобиля выбрались двое, еще двое остались в машине. Дверь подъезда открылась, едва двое мужчин ступили на крыльцо.

– Вот видишь, – хмыкнул Чекан, пропуская вперед своего телохранителя. – Ну, иди, не бойся.

В подъезде было светло, чисто, судя по всему в этом доме жили состоятельные люди. Сигнализация, автоответчик – все имелось в наличии, как положено, даже цветы стояли на лестничных площадках. И вообще, этот дом напоминал жилище людей на Западе.

Чекан в длинном черном пальто, без шляпы вертел головой из стороны в сторону. Жадно втянул воздух, напоенный запахом цветов, затем сунул в рот сигарету, щелкнул дорогой зажигалкой. На указательном пальце сверкнул дорогой перстень с бриллиантом.

– Хорошо тут.

После того, как Чекан сделал первую затяжку, он неспешно начал подниматься. Его личный телохранитель шел впереди, держа правую руку в кармане, сжимая в потных пальцах пистолет. Он был готов в любой момент отреагировать на неожиданное нападение.

Здесь, судя по всему, Чекана ждали. Когда телохранитель поднялся к массивной дубовой двери на площадке третьего этажа, та бесшумно, безо всякого звонка, распахнулась.

– Во, ждем, ждем, – радушно проговорил хозяин квартиры. Он был в белой рубашке, отутюженных брюках, дорогих ботинках. На пальцах рук сверкало несколько перстней, на запястье мерцали золотом дорогие часы.

Чекан и хозяин квартиры пожали друг другу руки.

– Давно ждем, все собрались.

– Ждете – это хорошо. Не люблю я все эти казино, игорные дома. Тошнит меня, когда много народа вокруг крутится, люблю играть в тишине.

– Да, здесь все такие, – сказал хозяин, помогая гостю раздеться.

Телохранитель остался в прихожей. В кухне было еще несколько таких же, как и он, мужчин в кожаных куртках. Они сопровождали своих хозяев, которые собрались в этот дом в довольно поздний час поиграть в картишки, поиграть, как они все выражались, «по маленькой». Но на самом деле здесь играли по-крупному. Подобрались одни профессионалы, ведь любители сюда просто-напросто не могли попасть. Все сидящие за столом были хорошо известны в криминальном мире, время от времени их фамилии и клички появлялись в милицейских сводках. Но они уже прошли низовые ступени криминального мира, почти ничего не делали своими руками, работали больше головой, придраться было не к чему, и эти люди гуляли на свободе. Если и случались небольшие проколы, то тут же свои услуги им предлагали лучшие, очень дорогие адвокаты.

Хотя что такое десять или двадцать тысяч зеленых для этих людей? Они за одну ночь могли оставить на зеленом сукне стола куда большую сумму.

* * *

Через час игра была уже в разгаре. Чекану сегодня несказанно везло, наверное, за тонированным стеклом окна гостиной взошла его звезда. Карта шла в руки сама. Играли как всегда не «на мелок», рассчитывались наличными. Пачки банкнот лежали рядом с каждым игроком, и когда партия кончалась, руки в перстнях и татуировках отодвигали от себя деньги, или наоборот, придвигали их к себе, укладывая банкноты стопками.

– Тебе сегодня везет, – сказал хозяин квартиры, глянув на широкое мужественное лицо Чекана.

– Ладно, ладно, – сказал тот в ответ, – не сглазь, всем везет... до поры до времени. Всем нам иногда везет, мне сегодня, тебе, возможно, повезет завтра, а возможно, карта придет им.

– Да, – сказал хозяин, делая глоток коньяка, – сегодня явно не мой день.

– Не можешь же ты выигрывать у меня каждый день, должен же я хоть раз в неделю отыграться.

Около тридцати тысяч долларов лежали рядом с картами Чекана. И возможно, игра продолжалась бы и дальше, но в большую комнату вошел телохранитель – тот, с которым Чекан приехал. Он подошел к своему хозяину, что-то прошептал ему на ухо и подал телефон.

– Да... вашу мать, – негромко пробурчал Чекан, – как только карта начинает валить, так сразу.

– Что такое?

– Уходить мне надо.

– Попозже.

– Срочно.

– Срочно-срочно. Так не пойдет, – сказал хозяин квартиры.

– Да погоди, я еще никуда не иду. Если не сегодня, то завтра ты сможешь отыграться. Может, я отскочу на пару часов, – Чекан взял трубку и приложил к уху. – Ну, что такое? – спросил он.

– ...

– Как так!?

– ...

– Что, серьезно... так сильно?

– ...

– Ладно, тогда еду. Забери деньги, – сказал он своему телохранителю. – У меня, друзья, серьезные проблемы и я должен вас покинуть.

– Так не пойдет, – сказал хозяин, и двое его гостей вопросительно посмотрели на Чекана, который собирался покинуть квартиру и уже встал из-за стола.

– Что значит не пойдет? – негромко спросил Чекан. – Еще как пойдет. Надо, значит надо. Если бы тебе надо было срочно по делам, я бы и слова не сказал. Мы же все люди занятые, у каждого есть дела.

– Но ведь мы договаривались играть до утра.

– Возможно, я еще приеду, – грозно сказал Чекан, а затем, как отрезал, – Резаный звонил.

– Тогда какие вопросы, дело святое.

Телохранитель собрал деньги, сунул их в целлофановый мешок, все это сделал он небрежно.

– Если так боишься, то деньги со мной не поедут, у тебя полежат, а за меня сыграет мой телохранитель, Винт, садись за стол.

– А если проиграю?

– И я мог проиграть.

– А если выиграю еще?

– И я мог выиграть.

Вновь трое продолжили игру. Только вместо Чекана за столом сидел его телохранитель Винт. А сам Чекан, недовольно бурча, спустился вниз, дверь его автомобиля открылась и он забрался на заднее сиденье. Черный «БМВ» с зажженными фарами, взвизгнув тормозами, резко развернулся во дворе и вырулил на улицу Гашека.

Навряд ли на какой-нибудь другой звонок Чекан отреагировал так стремительно. Но звонил его друг, поделщик, партнер, в общем, человек уважаемый в криминальном мире куда больше, чем Чекан.

«Значит, что-то серьезное, по пустякам Резаный выдергивать из-за стола никогда бы не стал», – рассуждал Чекан.

– Дай-ка мне пушку, – сказал Чекан, обращаясь к водителю.

Тот вытащил из ящичка «ГТ» и передал хозяину.

– Заряжен? – спросил Чекан.

Шофер утвердительно кивнул.

Чекан сунул пистолет в глубокий карман черного пальто, нервно закурил.

«А так карта шла, как никогда! Так только в день рождения бывает, хотя день рождения у меня не скоро».

Чекан принялся перебирать в памяти всевозможные даты, пытаясь найти закономерность, и определить, почему это вдруг ему сегодня так несказанно повалила карта.

А автомобиль мчался в Подмоскowie – туда, где находился дом Резаного. Чекан посмотрел на часы. Было около двух часов за полночь.

И ни Чекану, ни его шоферу Митяю в этот поздний час и в голову не могло прийти, что ждет их впереди. Хотя каждый, ступивший на преступную дорогу, прекрасно понимает: вряд ли ему придется умереть своей смертью в постели. Куда вероятнее закончить жизнь встретив грудью пулю конкурента или очередь из милицейского автомата.

– Посмотри, сзади все чисто? – произнес Чекан, даже не оборачиваясь, лишь скосив глаза на зеркальце заднего вида, укрепленное над ветровым стеклом.

Митяй опустил стекло и высунулся наружу, придерживая рукой черный фетровый берет, чтобы тот не сдуло ветром. Казавшийся на улице мелким, дождь теперь сильно, словно град, хлестал его лицо. Бандит, прищурившись, вглядывался в темноту, чуть разреженную красными габаритными огнями «БМВ». Ему казалось, что в темноте кто-то едет за ними с потушенными фарами. Сквозь свист ветра он пытался уловить гул двигателя.

«Нет, показалось, – подумал тридцатилетний Митяй. – Никого, сзади все чисто».

Он с удовольствием нырнул в теплый салон «БМВ» и поднял стекло почти до самого верха, оставив лишь небольшую щель, сквозь которую выдувало табачный дым.

– Все чисто, Чекан, никого до самого горизонта.

– Так и должно быть, – Чекан пожал плечами. – А музончик-то, Митяй, включи, – он хлопнул по плечу шофера, – а то едем как на похороны.

У Чекана была странная для бандита страсть: он не любил фальшивый тюремный фольклор, который в последние годы прямо-таки обрушился на Россию, звучал из каждого киоска, торговавшего аудиокассетами, гремел в кабине каждого таксиста. Чекан любил строгую классическую музыку, хотя мало что в ней понимал, о существовании нот догадывался лишь смутно. Но от природы этот бандит был наделен абсолютным слухом, поэтому ему претила низкопробная музыка. Он всегда слышал фальшь, не мог отыскать ее только в звучании симфонического оркестра и в ариях, исполненных лучшими голосами.

Над Чеканом за его спиной временами посмеивались, но вслух высказывать свое недовольство его увлечениями мало кто решался.

– Чайковского? Баха? Моцарта? – стараясь держаться серьезно, поинтересовался шофер. Самого его чуть ли не выворачивало, когда он слышал звуки скрипок и фортепьяно.

– Грига, – негромко произнес Чекан и тут же добавил: – его мать.

– Грига, так Грига.

– Ты, Митяй, морду то не криви.

Душный, хорошо прогретый салон «БМВ» наполнила музыка. Чекан подпевал, раскачиваясь на заднем сиденье. Наверное, никому из музыкальных критиков и в голову не могло прийти какие ассоциации у Чекана вызывает музыка Грига – пьянка с проститутками в баре и выколачивание денег у незадачливого коммерсанта были самыми безобидными из них.

Машина неслась на огромной скорости, где-то около ста сорока километров в час. Пустое шоссе позволяло не беспокоиться о безопасности, и лишь на поворотах шофер сбрасывал скорость, все-таки мокрая желтая листва устилала асфальт.

А дождь успел перерасти в ливень. Они уже миновали Солнечногорск, когда кассета кончилась в магнитофоне, кончилась на половине такта. Чекан не распорядился, ставить ли новую или перевернуть эту на другую сторону, шофер решил сам не проявлять инициативу.

Мощные фары пробивали пелену дождя, выхватывая на поворотах щиты, указатели, деревья, усыпанные желтыми и красными листьями.

– Красиво, твою мать, – мечтательно проговорил Чекан, глядя на то, как похожий на детскую ладонь красный лист канадского клена, брошенный на ветровое стекло дождем, продержался несколько секунд, а затем, подхваченный стеклоочистителем, сорвался в ночь.

И тут вдалеке показалась милицейская машина, сиротливо стоявшая на обочине. Дорогу «БМВ» преградили двое в бронежилетах, касках и с автоматами.

– Не сидится же им в тепле! – шофер выругался. – Что будем делать, Чекан?

– Я бы с удовольствием сказал тебе «дави», но вроде бы парни незнакомые, так что лучше остановиться. Начнут придирааться, сунь им сотку баксов... нет, хватит и полтинника, и поедем дальше.

Один из стоявших на шоссе выкинул вперед руку со светящимся полосатым жезлом.

«БМВ» резко затормозил и замер, не доехав до них метров двадцать. Из-под протекторов валил пар. Стало непривычно тихо.

– Они что, думают, я стану выбираться из кабины на этот чертов дождь? – бормотал шофер, похлопывая ладонями по карманам, пытаясь вспомнить куда положил документы.

Гаишник не спеша направился к машине, второй остался на месте, явно для подстраховки. Как-никак глухая ночь, черт его знает на кого нарвешься.

– Ты не документы ищи, а лучше деньги достань, – усмехнулся Чекан, – и пушку мне отдай.

Митяй опустил стекло и выпустил в окно облачко дыма. Гаишник вяло отдал честь и попросил документы.

– Спешим мы, – негромко, но веско произнес Чекан, кладя руки на спинку переднего сиденья.

Гаишник даже не отреагировал на его замечание.

– Документы попрошу.

– Ну что ты с ними сделаешь, – пробурчал себе под нос Чекан.

Глава 2

Но Резаный не знал о том, что за сорок минут до его звонка Чекану по направлению к его дому из Москвы выехала еще одна машина – серый «опель». Этим гостей Данилин не звал, хотя и знал об их существовании. Но он настолько надеялся на свой авторитет в преступном мире, что и допустить не мог, что у кого-то на него поднимется рука. Из всей охраны в доме было всего два человека, а это очень мало, если принять во внимание те деньги, которые он хранил – без малого четырнадцать миллионов.

«Опель» мчался на предельной скорости, сидело в нем трое. Они совсем недавно появились в Москве, но уже успели наделать дел. По терминологии, которой пользовался Резаный, этих троих можно было отнести к «беспредельщикам», для которых не существовало никаких законов, ни закрепленных в уголовном кодексе, ни принятых в уголовном мире.

На переднем сиденье, рядом с водителем, расположился Рафик Мамедов, на заднем – один из его подручных, тоже азербайджанец. В машине никто не курил, поскольку не курил и сам Рафик. За последние два года Рафик сильно поднялся, правда, пришлось ему сменить четыре города. И сейчас его банда, составленная из отъявленных головорезов насчитывала около двадцати человек. Это были законченные мерзавцы, за каждым из которых числилось не одно убийство. Никто из них уже лет по пять не появлялся на родине, у родителей, односельчане бы устроили над ними суд Линча – было за что.

Иногда, конечно, они навещали Баку, но приезжали как гости. Пьянствовали в лучших ресторанах, проматывали деньги, а затем исчезали, появляясь то в одном, то в другом российском городе, наводя ужас на коммерсантов, бизнесменов, милицию, мирных граждан.

Они грабили и убивали почти без разбора. Но все это была мелочевка. Рафик упорно мечтал подобраться к большим деньгам, но взять банк не отваживался. Он не был специалистом, не был медвежатником, он был самым настоящим бандитом, способным только убивать, мучить, пытать, обкладывать данью. А если кто-то не покорялся, не хотел платить, то погибал от рук его бандитов. Сам Рафик иногда не брезговал нажать на спусковой крючок или ударить по горлу ножом.

Когда-то давно Рафик был знаменит. В двадцать три года он умудрился стать чемпионом Азербайджана по боксу в среднем весе. Из таких же бывших спортсменов, как и он сам, он сколотил свою первую банду. Может, он и дальше жил бы в Азербайджане, если бы не начались известные всем события. Власть резко менялась, непостижимым образом переходя из одних рук в другие.

Подкупленные чиновники теряли власть, приходили новые, еще более жадные. Да и денег в Азербайджане становилось все меньше и меньше. Бизнес понемногу замер, и Рафик начал искать более хлебные места, двинулся на север, на бескрайние просторы России.

Вот там он и развернулся во всю мощь. Нижний Новгород, Ростов, где он продержался всего неделю, Санкт-Петербург, Воронеж. А вот теперь на горизонте замаячили золотые купола Москвы. Там были деньги, там были такие деньги, о которых Рафик мечтал.

Неделю назад ему повезло, в их руки попал один из телохранителей Резаного, бывший, которого Резаный, наградив деньгами, отправил на отдых. Под страшными пытками тот выдал, что у его бывшего босса, то есть у Александра Данилина, вора в законе по кличке Резаный хранится воровской общак. Жизнь это ему не спасло, а вот Рафик обрадовался.

Кто-кто, а он понимал о каких суммах может идти речь – минимум о пяти-десяти миллионах долларов. Вот такие деньги Рафика устраивали и ему было наплевать на то, что он лезет в карман к ворам, к авторитетам преступного мира. Он считал всех ниже себя и ему было все равно – Резаный, Меченый, Крапленый, Лютый – лишь бы добраться до денег. А их запах уже

щекотал ноздри Рафика и он был готов на все, хотя и прекрасно понимал, что месть будет страшная.

Рафик прикинул, что если все обойдется и он сможет захватить общак, то тогда ему и черт не брат. Тогда ему открыты все дороги и с такими деньгами он вернется на родину, вложит их в нефтебизнес, который сейчас начал бурно развиваться, и еще успеет на уходящий поезд бизнеса, а лучше – сразу же сядет на пароход и смоеется из Азербайджана в Турцию. А там еще куда-нибудь подальше от русских, на его век денег хватит.

Он не стал посвящать в подробности дела лишних людей, взял с собой лишь тех двух земляков, которые присутствовали при пытках телохранителя Резаного. И вот с ними он отправился к Резаному, естественно, не предупредив его о своем визите, надеясь на удачу. Он знал, что дом почти не охраняется, а если охрана и окажется, то немногочисленная, два-три человека, справиться с которыми Рафику и его людям не составит большого труда.

Показался город. Автомобиль пронесся по центральной улице и свернул вправо. У Рафика на коленях была расстелена карта, где жирным крестиком был обозначен дом. Кроме номера дома, замученный телохранитель рассказал и о его планировке, нарисовав дрожащей рукой на листе бумаги расположение комнат.

«Ну, держитесь, русские свиньи, сейчас я вам устрою Бухенвальд!»

– Да не гони ты так, – сказал своему водителю Мамедов, опуская боковое стекло, – а то еще долбанешься во что-нибудь.

– Я водить умею.

– Водить надо уметь и тихо.

Они медленно проехали мимо дома Резаного, свернули в переулок и стали. Где-то залаял пес. Его лай подхватил другой, третий.

«Собак у Резаного, вроде, нет, иначе отозвались бы».

– Ну, пошли, бойцы, – сказал Рафик, обращаясь к своим подручным. Он не таясь взял в руки автомат. – Значит, так: ты пойдешь и постучишь в ворота, скажешь, что ты от Буйвола. А мы в это время – через забор. Мужчины посмотрели на часы. – В общем, старайтесь не стрелять, старайтесь не греметь. Делаем все тихо.

– А если что? – спросил один из подручных.

– Уходим к машине. Главное, никого не оставлять в живых, нас никто не должен увидеть.

А если кто увидит – убивайте.

– Значит, как всегда?

– Понятливый.

Грязным переулком, шурша ногами по мокрой листве, Рафик и двое его подручных подошли к дому с тыльной стороны. В доме горел свет лишь в одном окне на втором этаже.

«Наверное, в кабинете, – подумал Рафик. – Неужели он книжки читает? А может, считает деньги? Ведь считать, наверное, есть что. Ладно, посчитаем и мы их».

В это время раздался далекий стук, и Рафик понял, это его человек стучит в ворота. Через пару минут скрипнула дверь и послышался недовольный бас:

– Кто там? Кого несет?

– Привет вам от Буйвола, я принес письмо.

– Что, утром не мог прийти?

– Дело срочное, – с небольшим восточным акцентом произнес человек Рафика.

Послышались шаги. Охранник, естественно, не спешил открывать ворота.

– Открой, браток.

– Не сразу, подождешь.

– Все, лезем! – Рафик махнул рукой и ловко перескочил через забор, оказавшись в старом саду по другую сторону забора. На мгновение замер, прислушиваясь к происходящему у ворот.

Охранник Резаного все еще расспрашивал незнакомого парня, которого видел впервые. Общались они через маленькое окошечко. Человек Рафика отказывался передать письмо через охранника, настаивая на том, что должен отдать его лично Данилину.

– Ладно, я сейчас узнаю, – охранник захлопнул форточку и направился к дому.

Рафик уже поджидал его у крыльца. Тот даже не успел среагировать, как острый нож вошел ему в горло. Охранник захрипел, и если бы напарник Мамедова не поддержал его, то наверняка загремел бы на бочку, подставленную под водосточную трубу.

– Тише, тише, – по-азербайджански произнес Мамедов махнул рукой. Азербайджанец, высунувший голову над забором, быстро перебрался во двор.

– Пошли.

Рафик, проскользнул в коридор, держа в левой руке автомат, а в правой нож с окровавленным лезвием. Двое его людей тоже вошли в дом.

Охранник Резаного, сидевший в холле перед включенным телевизором, по которому шла порнуха, только успел повернуть голову, как ствол автомата уперся прямо ему в лоб.

– Если пискнешь, твоя башка долой, – сказал Рафик. – Где хозяин?

Охранник молчал.

– Он дома?

Тот неопределенно пожал плечами.

– Я спрашиваю в последний раз: хозяин дома?

Охранник дернулся, и это решило его участь. Один из людей Рафика рукояткой пистолета нанес ему сокрушительный удар по темечку, и широкоплечий мужчина обмяк в кресле.

– Вот так. Иди вперед, – стволом автомата указал Рафик на лестницу, ведущую на второй этаж. Деревянные ступени скрипнули, Рафик поднял указательный палец, давая понять своему подручному, чтобы тот остановился. А затем сам в три прыжка преодолел лестницу и саданув ногой в дверь, высадил ее с первого удара и влетел в небольшую комнату, служившую Резаному кабинетом.

Тот сидел на небольшом диване, держа в руках очки, и был абсолютно не похож на вора в законе. Он напоминал, скорее, военного, вышедшего на пенсию. Теплые вязаные носки на ногах, меховая жилетка, клетчатая дешевая рубашка. Лишь перстень на правом указательном пальце руки с крупным камнем, да золотая цепь с массивным православным крестом свидетельствовали о том, что этот мужчина с седыми висками и большими залысинами далеко не беден.

– Сиди, Резаный! – с присвистом выдохнул из себя Рафик. – Сиди и не рыпайся!

– погоди, мужик, – надевая очки на сломанный нос, проговорил Резаный.

– Сиди, не двигайся!

– Сижу, сижу. Говори, что тебе надо?

А двое азербайджанцев уже притащили молодую жену Резаного в длинном голубом пеньюаре и племянника в белой спортивной майке. Женщина заверещала, но ей тут же заткнули рот. Затем их обоих связали и перетащили в гостиную.

Даже заслышав крик жены, Резаный не моргнул глазом. Он смотрел на Рафика спокойно и уверенно, пытаясь сообразить кто же это такой, и что этому мужчине может быть надо в его доме в столь поздний час.

– Ты Резаный? – спросил Рафик.

– Если ты пришел сюда, то наверное, знаешь кто я, – сказал Данилин. Он понимал, нужно тянуть время, ведь скоро должен появиться Чекан. – Ты, парень, наверное, все-таки ошибся и не в курсе кто такой Резаный.

– А мне плевать на тебя.

– Ты что, вора не уважаешь?

– Плевать...

– Ну, что же, плевать так плевать. Зачем пришел?

– За деньгами.

Резаный понял о чем идет речь, недовольно поморщился. Затем хладнокровно улыбнулся. Он за свою жизнь, большую часть которой провел в зонах, посмотрелся всякого, и не боялся ни конвойных, ни их собак, он вообще не боялся никого. Поэтому и был так спокоен. На удивление, Александр Данилин даже забыл о том, что еще час назад у него шалило сердце.

– Ты знаешь какие мне деньги нужны?

– Слушай, кто ты такой?

– А это не твое дело.

– Что ж, не мое так не мое. Но хочу тебя предупредить, добром это не кончится. Только за то, что ты потревожил меня, тебе уже не жить.

– Это мы еще посмотрим.

Заскрипели деревянные ступени лестницы, и в дверном проеме с автоматом в руках появился один из людей Рафика.

– Баба не хочет говорить, где деньги.

– Они не знают, – сказал Резаный, – оставьте их в покое. Они ничего не знают, а я вам ничего не скажу. Это ясно, как день.

– Это ты думаешь, что не скажешь, а я думаю, скажешь. Мы твоему щенку кишки вытащим и горло перережем, а бабу изнасилуем и зарежем.

– Ваше дело, – немного бледнея промолвил Резаный.

Под подушкой в углу диванчика лежал пистолет. И Резаный прикинул, что если постараться, то можно успеть воспользоваться оружием. Лишь бы этот кавказец потерял бдительность.

– У меня есть деньги, мои. Хочешь, возьми их, они там, в столе, в верхнем ящике, – он указал на скромный, почти что школьный письменный стол.

– Проверь, – сказал Рафик своему подручному.

Тот подошел, подергал ящик.

– Закрыто, – коротко бросил он.

– Открой, – приказал Рафик, но тут же передумал, движением руки остановив Резаного. – Где ключи?

– В кармане.

– Достань. Вытащи их у него из кармана, – Рафик приказал своему человеку.

Тот подошел, но лишь только оказался на одной линии между Рафиком и Резаным, как хозяин дома наклонился в бок, якобы для того, что бы залезть в карман, а затем сделал резкое движение и выхватил пистолет. Заваливаясь на пол, он выстрелил. Пуля зацепила охранника, но спортсмен есть спортсмен. Даже раненый, он успел среагировать и ударом ноги выбил пистолет из левой руки Резаного.

– А ты шустрый, – зверея, пробормотал Рафик. – Вот я сейчас посмотрю, как ты будешь шустрить дальше. Больно ты резвый.

– Да не пугай ты меня, я за свою жизнь такого навидался, что тебе и в страшном сне не приснится.

– Боишься, я же вижу.

– Я свое еще в детстве отбоялся.

Рафик, развернувшись на месте, ударил ногой Резаного под ребра, а затем прикладом автомата в грудь. Резаный захрипел, но продолжал улыбаться.

– Ни хрена у тебя не получится ты, козел, отморозок долбаный. Ты сам не понимаешь, на кого руку поднял. На что позарился.

– Где деньги? Где общак? – передергивая затвор автомата, с присвистом проговорил Рафик. Он был бледен, его глаза горели, губы дергались.

И Резаный понял, этот человек не подарок, ни перед чем не остановится. Но деньги он отдавать не собирался, тем более, под угрозами. Это наоборот, укрепляло его волю. Слишком большое доверие было ему оказано, чтобы он его не оправдал.

– Тащи его вниз! – приказал Рафик и еще раз ударил ногой лежавшего на полу Резаного. Тот уже не мог сам подняться.

– Козлы.

Через три минуты Резаный уже сидел привязанный к спинке стула. Рафик поджег сложенные в камине дрова. Те быстро занялись, затрещали.

– Подсунь его поближе, – сказал Рафик своему подручному. – Хотя, нет, пока не его. Пусть смотрит, пока говорить не начнет. Давай его бабу и этого щенка, пусть жарятся, как шашлык.

Азербайджанец схватил мальчика и потащил его к камину. Затем ударил ногой по каминной решетке, проверяя, насколько та крепко вмурована.

– Годится, – кивнул Рафик.

Щелкнули браслеты наручника, и мальчик оказался прикованным к решетке. А Рафик, взяв кочергу, поближе подвинул пылающие поленья.

– Ну, вот, смотри, Резаный, сейчас у него начнут обугливаться руки, затем морда. Загорятся волосы, сгорят ресницы и кожа с головы слезет. А потом мы затолкаем его прямо на угли.

– Не делай этого! – прошипел Резаный.

– Ты сам это делаешь. Скажи где деньги.

На полу зашевелился охранник, приходя в себя, оправляясь от удара.

– Этот нам не нужен, – пробормотал Рафик, давая понять, что охранника следует прикончить.

Азербайджанец, тот, который был помоложе, со шрамом на щеке, вытащил пистолет с глушителем и не задумываясь, приставив ствол к виску охранника, нажал на крючок. Выстрел был чуть громче, чем сильный хлопок ладоней. Охранник дернулся, замер на ковре. Густая липкая кровь начала вытекать из-под головы, образуя небольшую лужу. Ковер медленно ее впитывал.

– Вот так-то будет лучше.

Мальчик держался сколько мог. Но потом закричал.

– Заткните ему рот!

Клейкая лента легла на лицо парнишки, и как тот ни вертел головой, ничего поделаться не мог.

Жена Резаного смотрела на все происходящее широко открытыми глазами. Ее рот был тоже залеплен, но ее взгляд говорил мужу: скажи, скажи им где эти чертовы деньги! Они же нас всех убьют!

Но Резаный был спокоен, лишь капли пота катились по его лицу, да глаза моргали чуть чаще, чем обычно.

– Ну, что, будем говорить или как? Или и тебя привязать к решетке?

– Попробуй.

– Тебя мы привяжем последним.

– Отвяжи Димку, отвяжи.

– Отвяжу, если скажешь.

Мальчик потерял сознание возле камина. Рафик отодвинул кочергой дрова вглубь ниши.

– А-ну, воды!

Вода из стеклянного кувшина полилась на голову подростка. Тот несколько раз дернулся и открыл обезумевшие от боли глаза. Тут же перевел взгляд на своего дядю. В этом взгляде была мольба. Ведь единственный, кто мог остановить его мучения, нечеловеческие мучения, был Резаный. Всего лишь несколько слов, несколько фраз и тогда он, Дима, останется в живых.

Но Резаный понимал, если эти люди пришли сюда, живыми они уже никого не оставят. Человек, посягнувший на общак, не человек, а зверь. И единственный способ – тянуть до последнего. Корчиться, страдать, но тянуть время. Ведь Чекан должен появиться, это человек слова, если обещал, то будет. Не зря же он хотел ему доверить воровской общак. А денег там было не мерено, и отдать их какому-то придурку, возмнившему из себя невесть что, Резаный просто-напросто не имел права. Если бы он сделал это, то чувствовал бы себя так, как чувствует опущенный. А дойти до такого состояния на склоне лет Александр Данилин не мог. Слишком уж много за его спиной было колючей проволоки, централов, пересылок, карцеров, конвойных с лютыми собаками, всевозможных разборок и старых страхов. В общем, не человек, а легенда. Резаный уже не волен был изменить свою биографию и стать другим.

Глава 3

Гаишник в бронезилете придирчиво рассматривал документы, поданные ему шофером Чекана.

– Спешим мы, – не выдержал бандит, выбираясь из машины. – Послушай, командир, что тебе надо? Хочешь денег, так вот тебе столярник и отцепись ты от нас. У нас дела срочные.

Гаишник, не промолвив ни слова, покосился на Чекана. Тот достал деньги и поиграл ими в пальцах, так, как фокусник играет картой.

– Возьми.

Гаишник отдал документы и выразительно посмотрел на расстегнутый карман на своем бронезилете. А затем кивнул на второго гаишника, стоявшего посреди шоссе.

Время непростительно затягивалось, но Чекан не хотел нарываться на неприятности. Милиционеры в бронезилетах были ему не знакомы, а значит, могли и задержать. Опаздывать же к Резаному ему не хотелось, ведь тот настойчиво требовал приехать именно сейчас, не откладывая.

«Что мне, двести баксов давать, что ли? – негодуя, думал Чекан. – Лишь за один их взмах рукой? За то, что остановили, когда мы даже правил на нарушили?»

– Ты чего, начальник?

– Сто на два не делится, – проговорил один из милиционеров.

– Ты хочешь сказать, что на два делится двести? – не выдержав, вспылил Чекан.

Как-никак согласие принять взятку милиционерами было дано, хоть и в обтекаемой форме. Теперь здесь, на дороге, не было милиционеров и нарушителей, шел самый обыкновенный торг между равными, если можно назвать равными тех, у кого есть деньги, и тех, кто хочет их заполучить.

– Одна бумажка надвое не делится, – засмеялся милиционер.

И тут произошло странное превращение. Суровые до этого лица людей в форме просветлели, сделались добродушными и человечными.

– Два полтинника дай, если есть, и все в порядке. А то где же мы бумагу с самого утра разменяем? Не резать же ее пополам?

– Разберетесь, – Чекан сунул сотенную купюру в карман милиционеру и забрался в машину. – Погнали, – бросил он шоферу, – и постарайся проехать вон по той луже так, чтобы их грязью с ног до головы обдать.

Шофер не рискнул выполнить это распоряжение, да и Чекан не настаивал. Его занимало теперь совсем другое. До Клина оставалось совсем немного и, как он понимал, Резаный его заждался. Оправдываться тем, что на шоссе его задержали менты, Чекан считал ниже своего достоинства.

Он вынул телефон из кармана и набрал номер Резаного.

– Что за черт! – прошептал он, когда прозвучало четыре гудка, но никто так и не взял трубку. – Если бы он ждал меня, то сидел бы возле телефона и в сортир пошел бы с ним, если приперло ему встретиться.

Он уже хотел было сделать сброс и перенабрать номер, как трубка в его руках ожила.

– Резаный, понимаешь... – начал Чекан, ему ни разу не приходилось сталкиваться с тем, что трубку в доме Александра Данилина снимал кто-то другой, кроме хозяина. – Эй, слышишь меня? – Легкий холодок прошелся по спине Чекана. – С кем я говорю? Кто у телефона?

* * *

– Разлепи этому сучонку рот, – распорядился Рафик и ткнул носком ботинка корчившегося на полу Димку.

Бандит вразвалочку подошел к мальчишке, легко, не сгибая колен, нагнулся и резко рванул за край пластыря. Тот отлепился, сорвав в нескольких местах куски кожи. Мальчишка заверещал.

– Еще звук услышу – пристрелю! – шепотом произнес Рафик.

Его вкрадчивый шепот, как показалось Резаному, перекрыл истошный крик мальчишки.

– Пацана в покое оставь!

– Что и тебе рот заклеить?

Дима замолчал, испуганно вращая глазами.

Он ожидал удара в любой момент. В его взгляде уже не читалось надежд. Зная характер своего дяди, он понял, тот никогда не скажет, где деньги. Собирался бы сказать, сделал бы это сразу, не дожидаясь, пока начнут мучить его семью.

– Ну-ка, скажи, где твой дядя держит деньги? Ну? – Рафик наступил рифленой подошвой ботинка на красную, обожженную руку мальчика и пока еще несильно надавил. Из глаз Димки посыпались слезы.

– Не знаешь? – усмехнулся Рафик. – Тогда на хрен ты мне нужен такой, – и он ткнул горячий ствол автомата в лоб мальчишки.

– Я знаю! Знаю! – затараторил школьник.

– Врешь!

– Нет, точно знаю!

– Откуда тебе знать?

– Я подглядывал за ним.

«Неужели? – мелькнула мысль в голове Резаного. – Неужели он и впрямь подсматривал за мной? – Александр Данилин припомнил, когда он в последний раз подходил к тайнику. – Что ж, такое вполне могло случиться. Вот черт, никогда не знаешь, где проколешься».

– Я скажу, только отпустите их и меня! Обещаете?

– Молчи! – громко прикрикнул Резаный на племянника, хотя уже понимал: тот, скорее всего, блефует, готов соврать от нестерпимой боли, лишь бы его только на время оставили в покое.

– А он умнее, чем я думал, и хитрее, чем думал ты, – воскликнул Рафик, присаживаясь на корточки и беря мальчишку за шиворот. – Быстро, где?

Он так внезапно выпалил два слова, что у Димки от страха перехватило дыхание и он стал заикаться.

– Во дворе, возле сарая, под старым умывальником.

Рафик переглянулся со своими людьми.

– Вы обещали нас отпустить, я вам сказал!

Резаный в душе ликовал.

«Молодец мальчишка, если знал, то не сказал правды, а если не знал, где на самом деле спрятаны деньги, придумал хороший ход. Пусть они покопают, пусть надеются, что их ждет чемодан с деньгами. Прежде, чем они разочаруются, им придется выкопать яму метра в полтора глубиной. Чекан успеет».

– Ну, смотри, – Рафик упер руки в колени и хрустнув суставами, поднялся. – А если там ничего не будет? – затем, прищурившись и склонив голову на бок, спросил. – На какой глубине?

– Может, метр, может и два. Я не видел.

Резаный сидел, закрыв глаза. Он боялся выдать себя взглядом.

– Если там ничего не окажется, я закопаю тебя в этой яме самого – ногами кверху. Быстро во двор! Где у тебя лопата?

– Не знаю, я сам грядки не копаю.

Один из бандитов отправился во двор, подошел к сараю. Здесь было темно и неудобно.

«Инструмент, наверное, в сарае, – предположил он, глянул на легкую дощатую дверь, закрытую несложным замком, и после секундного колебания ударил в нее ногой.

Треснули доски, бандит заглянул вовнутрь и почти сразу же увидел то, что искал – лопату. Старую, со сточенным лезвием, с отполированной до блеска ручкой. Вооружился ей и пошел в сарай. На кирпичной стене висел старый, давно не использовавшийся умывальник без крышки.

– Копай, копай, будто никого из них заставить нельзя, – бурчал бандит.

Лезвие лопаты нехотя вошло в гравий, которым сарай был обсыпан по периметру. Если бы дело было днем, бандит сразу догадался бы, что копать здесь незачем, между обкатанных камешков пробивалась травка и даже рос маленький тополь, больше похожий на лебеду, чем на дерево. Но желание быстрее добраться до денег оказалось сильнее сомнений, и азербайджанец копал с остервенением, еле успевая смахивать пот со лба.

Рафик ему не очень-то доверял. Он подошел к окну и прикрыв лицо ладонью от яркого света лампы, следил за своим человеком.

«Чего доброго, откопает и попробует убежать».

Тишину ночи наполнял скрежет металла о камни. Бандит копал яму прямо у фундамента сарая и задевал лезвием за бетон, высекая искры.

«Где же Чекан? – недоумевал Резаный, чувствуя, как власть, да и сама жизнь уходит из его рук. – Неужели азер узнал о разговоре и перехватил парня? Нет, нет, – думал он, глядя на Рафика, – этот азер слишком глуп, слишком жаден для таких сложных ходов. Пристрелить кого-нибудь, закопать в землю живьем – на такое он горазд».

И тут в кабинете зазвонил телефон. Чисто инстинктивно Резаный рванулся вперед, хотя и помнил о веревках.

– Сиди, дурак, – процедил сквозь зубы Рафик и пошарил взглядом по комнате.

Да, прав был Резаный, посчитав его недалеким человеком, тот не предусмотрел того, что кто-то может позвонить, и у него не было на этот случай никакого варианта. Уже прозвучало три звонка, когда взгляд Рафика остановился на женщине.

– Слышишь, сука, сейчас ты говорить будешь то, что я тебе скажу. А ты, – не оборачиваясь, бросил он подручному, – притащи трубку. Скажешь, что Резаный подойти не может, в ванной моется.

Рафик довольно бережно оторвал клейкую ленту с губ женщины, перехватил трубку, щелкнул кнопкой, прижал телефон к голове жены Резаного. Сам припал ухом к наружной стороне телефона. На его губах появилась злорадная ухмылка. Молодая женщина тряслась от страха, но именно страх за свою жизнь помог ей задержать дыхание.

Вначале она слушала бессвязную речь Чекана, но когда Рафик упер ей в ребра автомат, она залепетала:

– Александр в ванной, подойти не может...

Рафик зло зашептал:

– Скажи, что он никого сегодня не принимает, занят он, если сунется кто, голову оторвет. Женщина безропотно повторила все то, что сказал ей Рафик.

– Едь сюда! – что было мочи закричал Резаный, поняв, что это звонил Чекан, и единственный шанс на спасение уходит.

Даже Рафик не понял, успел он нажать на кнопку или нет, прежде, чем закричал Резаный. Он бросил трубку в бушующее пламя камина и покачал головой:

– Поздно.

Выглянул в окно. Его подручный уже с трудом выгружал землю из узкой ямы, черенок лопаты скрывался в ней до половины.

– Хорош, хватит копать, ни хрена там не будет. Обманул ублюдок. Вот так-то! – Рафик обернулся, встретился взглядом с Александром Данилиным. – Я, Резаный, человек слова, раз сказал, значит, сделаю. Твоего сучонка закопают, только башмаки сверху торчать будут. Так что, считай, осталась у тебя пока одна только сучка, которая тебя же сейчас и пробросила. Заклеить ему рот!

Приказание было выполнено тут же. Рафик собственноручно пододвинул Резаного к самому окну, чтобы он мог видеть двор и свежеврытую яму.

– Даже если ты сейчас и захочешь сказать где деньги, пока не закопаем его, слушать тебя не стану.

Рафик сгреб мальчишку в охапку и, зажав ему рот ладонью, потащил вниз по лестнице. Вскоре Резаный увидел их обоих на дворе. Димка отчаянно отбивался, пытаясь вырваться, но бандит держал его крепко.

Подтащив к яме, он перехватил мальчишку за ноги и с размаху воткнул головой в песок и тут же, ногой, принялся засыпать яму. Сперва засыпал ее быстро, так, чтобы Димка уже не мог выбраться, а потом принялся засыпать медленно, притаптывая землю ногами и поглядывая на открытое окно на втором этаже.

Наконец над гравием остались торчать только Димкины ноги. Они еще дергались, но судорожно, в агонии.

Рафик отлепил рот Резаному.

– А теперь-то ты скажешь где деньги?

Александр Данилин хоть и мог сейчас говорить, лишь отрицательно покачал головой, спокойно, так, будто вел деловой разговор и не его жизни, и ни жизни его близких ничего не угрожало.

– Вот ты какой крутой, – усмехнулся Рафик. – Что ж, придется заняться твоей женой. А если и это на тебя не подействует, то у меня есть один извращенец, он тебя в задницу трахнет, понял?

Резаный обладал уникальным опытом. Находясь в зонах, пересылках, он научился отстраняться от действительности, воспринимать ее сторонним взглядом. Вот сейчас ему этот опыт и пригодился. Он оставался спокойным, не нервничал, не кричал, понимая, что его признание или молчание ничего в данной ситуации не решают.

«Если я скажу, то они убьют всех сразу. Буду молчать – убьют поодиночке».

И вор в законе Резаный решил не столько бороться за свою жизнь, сколько за честь.

«Жаль, что Чекану не успел передать, где лежат деньги. Но за меня ребята поквитаются, найдут этого азера и вот тогда уж пощады ему не будет. Его никто не будет ни о чем спрашивать, его станут убивать медленно и мучительно».

Глава 4

Чекан со злостью смотрел на телефонную трубку в своей руке.

«Это же надо, – подумал он, – вытащить меня из-за стола, когда шла карта, в два часа ночи, а я, как идиот, поперся в Клин. А потом даже не сам Резаный, а его подстилка говорит мне, что он в ванной и отменил встречу. Тьфу! Непонятки какие-то».

– Разворачивайся, – приказал он Митяю, хотя на горизонте уже светились огни Клина и один из этих маленьких огоньков принадлежал дому Резаного, но какой именно, понять с шоссе было невозможно.

Чекан мрачно молчал, вращая в пальцах телефонную трубку. Шофер понимал, с боссом лучше не заговаривать, тот зол сейчас на весь мир, поэтому старался ехать и не очень быстро, и не очень медленно, музыку вообще никакую не включал. Короче, вел себя так, чтобы не к чему было придраться.

И вдруг Чекан подобрался, его лицо исказила судорога. Он принялся быстро набирать номер Резаного. Телефон не отвечал, никто не брал трубку.

– Нет, тут что-то не так, – пробормотал Чекан, бросая бесполезную теперь телефонную трубку на сиденье. – Разворачивай – снова в Клин! – и с такой силой ударил растопыренной пятерней в спинку переднего сиденья, что шофер вздрогнул, испугавшись, резко развернул машину и понесся назад, к Клину, не понимая, какого черта его гоняют среди ночи туда-сюда.

«Нет, – думал Чекан, – такого быть не может, чтобы Резаный не снял трубку, на этот номер он всегда отвечает. И какого черта баба со мной разговаривала, а не он сам, тоже непонятно. И звонок посреди ночи... Нет, я тогда пообещал приехать, значит, приеду, чтобы потом мне не говорили. Я должен побывать у Резаного. Ох, не нравится мне все это, что-то здесь не так!»

Уже через пятнадцать минут Чекан оказался в Клину. Когда до дома Резаного оставалось метров сто пятьдесят, он распорядился:

– Останови машину.

– Здесь?

– Да.

– Хорошо. Понял.

– Ни хрена ты, Митяй, не понял.

Чекан до боли в глазах всматривался в темноту пустынной улицы. Ни одной машины, свет в верхнем этаже дома Резаного горел.

– Слышишь, бери пистолет и пошли, – бросил он шоферу. Сам Чекан тоже держал оружие наготове.

Мужчины подошли к воротам дома Резаного. Прислушались.

– Возня какая-то. Отсюда не пойдем, – сказал Чекан, – с той стороны забор пониже.

– Так звонок же есть, – шофер было протянул руку, но Чекан схватил его за локоть.

– Пошли, – и увлек за собой.

Вскоре Чекан уже перемахнул забор, следом за ним спрыгнул шофер. Мужчины застыли, держа пистолеты наготове. Не нравилось им то, что происходило в доме.

Чекан, пригнувшись, перебежал к дому и тут обнаружил труп первого охранника. Отсюда же, от крыльца, он увидел и ноги мальчишки, торчащие из земли.

«Кто посмел?» – мелькнуло в голове у Чекана.

Его шофер, затаившись возле сарая, держал на прицеле окно. Он уже тоже понял всю серьезность обстановки. Чекан медленно пробирался к дому, стараясь передвигаться бесшумно.

«Их наверняка больше, чем двое, иначе не решились бы нападать. Значит, с первого раза я должен уложить, как минимум, двоих».

Он ступил на деревянную ступеньку внутренней лестницы. Та скрипнула. Чекан про себя выругался, тут же прижался к стене, прицелился, взяв на мушку самый край стены.

Рафик Мамедов уже успел раздеть жену Резаного и, уложив ее связанной на полу, водил острием ножа по ее телу. Иногда он прижимал острие чуть сильнее и тогда из-под него выступали алые капли крови.

Рафик макал в них острие ножа, как макают перо в чернила, и размазывал по загорелой коже. Он уже смирился с мыслью, что Резаный ему ни черта не скажет. Если бы сказал, то произошло бы это перед смертью мальчишки, баба его не интересуется так сильно. Он действовал больше по инерции, еще надеясь на чудо: вдруг Резаный заговорит? Да и поразвлечься немного можно, а перед рассветом прикончить обоих.

«Кое-какую мелочь я сумею отыскать и в доме. Ну что ж, не удалось взять большие деньги, возьмем средние».

И тут скрипнула половица на первом этаже. Рафик тут же замер, приподнял нож и вслушивался в тишину, воцарившуюся после того, как Чекан ступил на лестницу.

– Посмотри, – одними губами проговорил Рафик Мамедов, показывая ножом на дверь.

Один из его подручных двинулся на лестницу, другой подошел к окну и под прикрытием занавесок стал изучать двор.

Шофер Чекана – Митяй прятался под карнизом сарая. При желании он мог бы выстрелить в человека Рафика, но не был уверен, что попадет. Как-никак их разделяло семьдесят метров, а это слишком большое расстояние для прицельной стрельбы из пистолета.

Чекан прямо-таки распластался по стене. По шагам, звучащим вверху, он пытался определить сколько же там, наверху, людей.

«Как только покажется, сразу выстрелю, – решил Чекан, но тут же отказался от этой затеи. – А если они погонят перед собой Резаного или его жену? Эх, почему нас только двое? – медленно, медленно Чекан присел. – Так меня заметят чуть позже, а я успею рассмотреть с кем имею дело. Ну, вот и отлично, – Чекан ухмыльнулся, увидев, как на стену кладется тень: ствол автомата, горбоносый профиль, кучерявые волосы. – Стреляю прямо между глаз».

Лишь только из-за поворота показался азербайджанец, Чекан тут же выстрелил. Он метил в голову, но введенный в заблуждение тенью, отброшенной низко стоящим торшером, попал не в лоб, как рассчитывал, а в шею.

Азербайджанец рванул назад. Он влетел в холл с перекошенным лицом, зажимая руками горло, из которого хлестала кровь. Рафик лишь презрительно посмотрел на него, выпустил в дверь короткую очередь, а затем вытащил из кармана гранату, вырвал зубами чеку и бросил ее в открытую дверь. Та запрыгала по ступенькам.

Чекан не мог позволить себе рисковать. В полуразвороте он лишь наподдал гранату ногой. Та срикошетила от стенки и рванула вниз, после чего Рафик тут же захлопнул дверь, ведущую в комнату, и придвинул к ней привязанного к стулу Резаного.

– Эй, вы, слышите? – закричал Рафик. – Резаный к двери прислонен, стрелять будете, рвать – его же первым и уложите.

Раненый азербайджанец корчился на полу, пытаясь зажать рану рукой. Рафик уже не обращал на него внимания. Второй подручный Рафика молча указал во двор и затем показал своему хозяину один палец, что значило «еще один человек во дворе».

Рафик думал не долго.

– Не жилец, – пробормотал он, оправдывая то, что собирался совершить. Длинным ножом он ударил в грудь своего раненого земляка, тот затих. Затем тремя взмахами отсек ему голову, швырнул в пакет и тут же пояснил:

– Чтобы не узнали, когда найдут труп. Старика с собой забираем, – сказал Рафик и как бы между делом вонзил нож под левую грудь женщине. – Все, уходим.

Он схватил стул с привязанным к нему Александром Данилиным и, посинев от натуги, вышвырнул его в окно. Прежде, чем стул достиг земли, Рафик вскинул автомат и выпустил длинную очередь по сараю, за которым прятался Митяй. Продолжая стрелять, он вскочил на подоконник и выпрыгнул сам. Следом за ним приземлился и его подручный с сумкой через плечо. Вдвоем они подхватили полуживого Резаного, ударившегося при падении головой об отмостку, и отстреливаясь, поволокли его к забору.

Чекан высочил из дома когда Рафик уже перелезал через забор. Его подручный, прикрывшись Александром Данилиным, отстреливался. В темноте Чекан не мог различить лиц бандитов, но то, что у них в руках Резаный, он видел и различал точно.

– погоди, не стреляй, – распорядился он.

Рафик понимал, что перевалить через забор связанного Резаного они не успеют, не смогут. Лишь только перестанут использовать его как укрытие, им тут же конец. И он, будучи мастером на всякие выдумки, тут же сообразил что делать.

Забор был старый и дощатый. Рафик что было силы ударил каблуком в низ досок. Несколько из них треснули. С третьего удара он сумел пробить солидный лаз, куда юркнул его подручный, до последнего времени прикрывавшийся связанным Александром Данилиным.

– Подожди, не стреляй, – Чекан перебежал от яблони к яблоне.

Рафик с земляком, юркнувшим в лаз, схватили Резаного за одежду и поволокли в пролом. Но тот сумел сделать единственно возможное в его положении: подогнул ноги к животу, уперся коленями в обломки досок и сколько ни пытались вырвать его Рафик с подручным, им это так и не удавалось.

– Скотина!

– Сволочь!

Сперва Рафик нанес прикладом два удара в грудь Резаному, но тот отчаянно боролся за свою свободу и жизнь. Тогда в надежде на то, что уж теперь Резаный не устоит, не сможет более сопротивляться, Рафик выпустил одну за другой две пули ему в живот. Тот скрежетал зубами, но сдаваться и не думал.

И тогда Рафик понял, старика придется убрать, иначе сейчас придется жарко. Он торопливо выстрелил Резаному прямо в голову. Тот дернулся и затих. Времени на контрольный выстрел не оставалось.

Чекан уже успел перемахнуть забор и пару раз выстрелил в темноте на звук. Рафик и оставшийся в живых подручный бросились к машине. Взревел мотор и «опель» помчался прочь из города.

На коленях у Рафика стояла сумка, где покоилась голова его друга, отрезанная от тела. Уже не первый раз поступал так Рафик, и тем самым спасал себе жизнь. Труп не могли опознать, а значит, не могли и выйти на него самого.

Чекан, увидев белевшую в темноте рубашку Резаного, бросился перед ним на колени, припал ухом к груди. Сердце билось. Чекан щелкнул зажигалкой, и ему чуть не сделалось дурно: его рука с огоньком оказалась неподалеку от раны на голове. Из краев, из-под волос торчали острые костяные обломки.

Если бы не раненый Резаный, Чекан наверняка бросился бы в погоню, и, возможно, нагнал бы Рафика, расправился бы с ним. Но сейчас он не мог дать себе волю, не мог поддаться желанию мести.

«Спаси Данилина, довезти до больницы!»

– Подгоняй машину, погрузим! – крикнул он шоферу.

Через три минуты машина уже стояла под яблонями старого колхозного сада, а Чекан вместе с шофером бережно несли истекавшего кровью Резаного. Тот так и не приходил в себя.

Чекан мало верил в то, что им удастся спасти Александра Данилина, но обязан был сделать все возможное.

– Гони! – крикнул он шоферу, когда Данилина загрузили на заднее сиденье, а сам Чекан уселся на переднее.

– Куда?

– В больницу, к хирургу Рычагову.

– Позвонить бы сначала.

Машина уже неслась по улице, а Чекан вызванивал самых близких себе людей, сообщая страшную новость. Поэтому, когда его автомобиль подкатил к больнице, там уже стояли две машины, Чекан опасался нападения.

Но делал он это зря. Рафик не решился продолжать начатое, он хотел поглубже залечь на дно, переждать, пока страсти улягутся. Никто его не видел, никто не мог опознать его. Он-то был уверен, что убил и Резаного, и его жену, и племянника.

Когда автомобиль проезжал реку, Мамедов крикнул:

– Стой!

Шофер затормозил.

Рафик выбрался на проезжую часть, открыл багажник и вбросил в сумку пару железяк, те глухо ударились друг о друга. Затем размахнулся и тяжелая сумка с отрезанной головой полетела через перила, булькнула и ушла на дно. Мамедов отряхнул руки.

– Поехали.

* * *

Уходил из бренного земного мира один вор в законе, на его место стал бы другой, возможно, Чекан. В конце концов, обшак отыскали бы... если бы не одно «но». Возможно, события пошли бы совсем по другому, если бы на несколько дней раньше не произошли следующие события.

Глава 5

Мужчина в темно-синей синтетической куртке, в черном берете, стильно сдвинутом на левое ухо, потоптался у таксофона, затем набрал номер и, нервно постукивая ногой в тяжелом башмаке с рифленой подошвой о бетонную плитку, крепко прижал трубку к уху.

Наконец на другом конце ему ответили:

– Аллю...

– Аллю, это я, Дорогин.

– Ну, и что скажешь, Дорогин? – послышался глуховатый, не очень приятный мужской голос.

– А что ты хочешь услышать, Савелий?

– Скажи что-нибудь хорошее.

– Я думал, ты мне сообщишь приятную новость, – сказал мужчина, поправляя берет.

– Я могу тебе отдать только часть денег. Половину – не больше.

– Мне нужны все деньги, Савелий.

– Все, к сожалению, не могу, слишком уж сумма набралась большая.

– Это твои проблемы, когда брал, сумма тебе не казалась большой. Я к тебе заеду, – сказал Дорогин.

– Э, нет, так не пойдет. Давай лучше где-нибудь встретимся.

– Где? – поинтересовался мужчина, переминаясь с ноги на ногу.

– Мост через реку знаешь?

– Конечно, знаю, – бросил в трубку Дорогин и принялся вытаскивать из пачки сигарету, одной рукой делать это было крайне неудобно.

– Ну так вот, давай на мосту. Надеюсь, ты сам придешь, Савелий? Твои посыльные мне надоели, если они, конечно, приходят без денег, – нервно рассмеялся Сергей.

– Конечно сам. Ты же знаешь, я люблю отдавать из рук в руки. Что бы потом никаких вопросов не было.

– Хорошо. Время?

Рядом с открытой кабиной таксофона проходили люди. Дорогин держал трубку, плотно прижимая ее к уху, и рассматривал прохожих. Ветер гнал по асфальту желтые кленовые листья. Они шуршали, шелестели. Машины сигналили, проносились, чуть ли не чиркая протекторами по недавно установленным бордюрным камням тротуара.

Трубка молчала.

– Так в котором часу? – наконец не выдержал Дорогин и его невидимый абонент вздохнул.

– Ну, не знаю... Часа через два-три устроит?

– Нет, Савелий, давай, назначай конкретно.

– Ну, если так, то давай конкретно: в половине десятого.

– В двадцать один тридцать? – Дорогин взглянул на свои часы.

– Да, в двадцать один тридцать, плюс минус.

– Никаких плюсов-минусов.

– Ровно приду, нервный ты какой-то.

– Нервничаю я всего-ничего, если принять во внимание сколько ты мне должен.

– Деньги – это пыль, дружба сильнее.

– Не опаздывай, Савелий, ты же знаешь...

– Знаю, Серега.

– И без глупостей, – на всякий случай бросил в трубку Дорогин.

– Какие глупости! Мы же с тобой старые приятели, – в трубке раздались гудки.

Дорогин аккуратно повесил ее на рычаг, затем огляделся по сторонам, поправил берет, из-под которого выбились короткие белокурые пряди. Было довольно-таки прохладно. Дорогин затянул замок молнию под самое горло, зябко поежился. Времени до встречи с Савелием у него оставалось предостаточно.

Он запустил руку в карман, нащупал деньги. Вытащил, посмотрел на них презрительно и остался недоволен собой. Денег имелось немного, пара смятых грязных бумажек и горсть монет.

«Да, с такими деньгами не разгуляешься. Единственное, на что их может хватить, так это на чашку кофе и пачку неплохих сигарет. Вот это и следует сейчас сделать – попить кофе и покурить. Но где же убить два часа? Торчать на улице холодно. Зайду-ка куда-нибудь», – решил Дорогин и двинулся по улице к центру города.

Было в Дорогине что-то неуловимо русское. И дело не в светлых волосах, не в пронзительно голубых, как позднее осеннее небо, глазах. При всем при этом в его облике не просматривалось ничего сельского – сугубо городской человек. Он напоминал средневекового городского ремесленника, свободного человека, мастера своего дела, знающего себе цену. И если бы кожаный ремешок стянул его волосы, это бы подобие стало очевидным.

Денег на такси у него не оставалось и поэтому приходилось иметь в виду, что до пешеходного моста идти минут сорок. Значит, предстояло убить еще полтора часа. Долгих из-за неопределенности.

Холодные осенние сумерки спускались на город, зажигались фонари, призывно и ярко горела реклама. Жизнь шла своим чередом. Люди спешили в теплое жилье, а вот ему, Сергею Дорогину, спешить было некуда.

– Ничего, ничего, – говорил он, обращаясь к самому себе, – будет день, будет и пища. Савелий отдаст деньги. Конечно, он жмот и сволочь, но деньги ведь отдаст. Сперва половину, а там дождю, выложит и остальное.

Савелий Мерзлов должен был Сергею Дорогину довольно-таки крупную сумму. И Дорогин понимал, что сразу все деньги Савелий не отдаст. Не таким тот был человеком, чтобы вот так, не потрепав другим нервы, легко расстаться с большой суммой. Скорее всего, будет тянуть волюнку, станет отдавать небольшими частями.

«Ничего, ничего, как только у меня появятся деньги, я его обязательно прижму и вытрясу из него все до последнего цента».

Увидев небольшой парадный подъезд в старом доме, оборудованный под кафе, Сергей Дорогин постоял несколько мгновений, опустил серый ворот темно-синей куртки, передернул широкими плечами, повертел головой, разминая шею, и направился туда. Там было тепло, пахло ароматным кофе, коньяком и сигаретным дымом. А еще Дорогина привлекла музыка, негромкая и мягкая, призывно звучащая из старого подъезда.

«Вот здесь я и скоротаю полчаса, покурю, подумаю. Попью кофе – маленькими-маленькими глотками. Разговор с Мерзловым предстоит не простой».

В последние месяцы, а по большому счету, и пару лет, простых разговоров у Сергея Дорогина не случалось. Да и вообще, жизнь складывалась премерзко.

«Когда же наконец все это кончится?» – не один раз уже думал Дорогин.

А ведь все шло так хорошо. Были деньги, известность, была любимая жена и дети, машина, работа, которую Дорогин любил. Словом, было все. А сейчас у него нет ничего, абсолютно ничего, кроме куртки на плечах, старых башмаков, берета, серого свитера и потертых джинсов.

«Да, еще лежат документы во внутреннем кармане, но какой от них толк?»

– Чашку хорошего кофе, – глядя в глаза бармену сказал Дорогин.

Тот испытующе посмотрел на пришедшего – далеко не все посетители бара подозревали, что кофе в русском языке мужского рода.

– Двойной сделать? – осведомился бармен, учтиво улыбнувшись.

– Простой, – пробурчал Дорогин, понимая, что на двойной может не хватить денег, а если и хватит, то он останется без сигарет.

– Простой, так простой, – бармен нажал кнопку кофемолки.

Завертелись, закружились, застучали, ударяясь друг о друга черно-коричневые зернышки. Бармен щелкнул рычажком, насыпая кофе в ситечко, и стал готовить напиток.

А Дорогин уселся на высокий табурет рядом со стойкой и принялся рассматривать длинный строй бутылок с яркими этикетками.

«Этот коньяк я пил, это мартини тоже пробовал, херес, сухой херес, когда же я его пил в последний раз... Нет лучше хереса, вот эта бутылка, название только отливает золотом, не прочитать, не вспомнить».

– «Когано», – сказал бармен, перехватив вопросительный взгляд Дорогина, – может, налить сто граммов?

– Нет, не хочу, – покачал головой Сергей, подвинул к себе пепельницу, достал пачку с сигаретами, открыл ее, заглянул вовнутрь, – пока не хочу.

Это «пока» подействовало на бармена как успокоительное лекарство, Дорогин умел располагать к себе людей малыми средствами.

«Две сигареты. Мало, мало. – подумал Сергей. – Но ничего, куплю».

Его взгляд от бутылок скользнул к сигаретам. Рядом с ним на стойке появилась чашка с жидким дымящимся кофе, а на край блюдца лег пакетик сахара. Сильными пальцами Дорогин разорвал пакет, всыпал сахар в чашку, размешал и сделал маленький глоток. Кофе был хорош, но жидковат.

– И пачку сигарет, – сказал Сергей, глядя на бармена, который принялся протирать и без того сверкающие сухие бокалы.

– Каких желаете?

– Мальборо.

Пачка легла рядом с блюдцем. Сергей сорвал акциз и не спеша открыл ее. Затем запустил руку в карман, пытаясь отыскать зажигалку. Пальцы наткнулись на твердую обложку паспорта. Дорогин извлек его из кармана, положил перед собой на каменную стойку и продолжил поиски.

Наконец он отыскал зажигалку, в которой лишь на дне плескался газ. Вытащил сигарету, не торопясь прикурил, сделал небольшую затяжку и лишь затем, ухмыльнувшись, взглянул на паспорт. Он взял документ, развернул его.

«Сергей Андреевич Дорогин», – прочел он то, что знал и без записи.

Фотография, на которую смотрел Дорогин, мало чем напоминала его сегодняшнего.

– Да, да, – пробормотал Сергей и, повернув голову, взглянул на свое отражение.

Из зеркала на него смотрел абсолютно другой человек, абсолютно не похожий на улыбающегося счастливец на фотографии.

«Эка тебя жизнь потрепала, сам на себя не похожим стал!»

Затем Дорогин взглянул на дату выдачи паспорта.

«Пять лет! Пять лет прошло, а как я изменился! Я постарел лет на двадцать».

Несмотря на то, что Дорогин был гладко выбрит, морщины и складки делали его сегодняшнего абсолютно не похожим на счастливец, улыбающегося с цветной фотографии.

«Да, не похож, словно тебя подменили».

С чем связаны столь разительные перемены, Дорогин знал. Но вспоминать и думать о прожитом ему не хотелось, хотя делал он это каждый день по много раз, проклиная свою жизнь, проклиная тот момент, когда родился.

«Я был счастливым, был, но тогда я не думал, что это счастье. Мне казалось, так и должно быть, считал – это обыкновенная жизнь, такая же, как и у всех. Но на самом деле это было счастье. Я был молод, силен, у меня была жена, были дети, была работа. А сейчас ничего нет, абсо-

лютно ничего! Изменить что-либо я не в состоянии, таково положение вещей, «статус кво», – констатировал Сергей и взглянул на страничку паспорта. – Год рождения тысяча девятьсот пятьдесят восьмой, двадцать четвертого сентября».

– Двадцать четвертое сентября... – прочитав написанное, Дорогин прикрыл дату рукой, на его лице появилась горькая зловещая улыбка. – Двадцать четвертое сентября, – пробормотал он, шевеля побледневшими губами. – Двадцать четвертое сентября, – вновь прошептали губы. – Послушай, – обратился он к бармену, – какое сегодня число?

– Число? – ухмыльнулся бармен. – Ты что, не знаешь?

Дорогин пожал плечами, продолжая пристально смотреть в маслянистые глаза бармена, несколько более женственные, чем следовало бы, поблескивающие из-под темных бровей, окаймленные длинными ресницами.

– Не знаю, – покачал Дорогин головой.

– Двадцать третье сентября. Может, тебе и год подсказать?

– Год? – переспросил Дорогин все тем же отсутствующим голосом.

– Ну да. Какой сейчас год, ты хоть знаешь?

– Год... – выдал из себя Сергей.

– Тысяча девятьсот девяносто пятый, – весело сообщил бармен. – А какой день недели, знаешь?

– Мне все равно какой сегодня день недели.

– Так говорят те, кто нигде не работает.

«Завтра у меня должен быть день рождения. День рождения. День рождения. Я всегда радовался этому событию, радовался, как ребенок. Особенно в детстве, когда жил с отцом и матерью, само напоминание о том, что через неделю, через две, через день наступает мой день рождения, приводило меня в неопишуемый восторг. Так было и потом, когда я стал школьником, а затем студентом. Да, я радовался этому празднику, а сейчас мне хочется скрежетать зубами лишь потому, что случайно вспомнил о нем».

Сергей резко захлопнул паспорт, небрежно сунул его в карман куртки.

– Спасибо тебе, – бросил он бармену, – спасибо.

– За что?

– За все спасибо.

– Не за что.

– Есть за что.

Бармен пожал плечами, продолжая вытирать идеально чистый бокал.

А Дорогин слез с высокого, ставшего неудобным, табурета, заспешил к двери.

«Это завтра мне будет тридцать семь лет. Тридцать семь лет!»

Почему-то он вспомнил, что именно в этом возрасте был застрелен на дуэли Пушкин.

«Христа распяли еще раньше – в тридцать три. Этот рубеж я миновал. В тридцать три я еще был счастливым человеком, а вот в тридцать семь...»

– В тридцать семь, в тридцать семь. – бормотал Дорогин, бредя по улице, не обращая внимания на прохожих, на сигналившие автомобили.

Он вытаскивал из пачки сигарету за сигаретой, прикуривал их одну от другой, брел по городу.

«Вечный огонь», – он смотрел на рубиновый огонек, медленно подбирающийся к пальцам.

Возможно, если бы сейчас ему на пути попался храм, то он свернул бы к нему. И тогда, может быть, глядя на сверкающие огоньки свечей, в душе Сергея Андреевича Дорогина поселилось бы спокойствие, хотя бы на несколько секунд, хоть на несколько мгновений. Но храмы ему не попадались и он даже о них не думал.

Он шел и шел. Шел так, как вышагивает арестованный, посаженный за решетку человек, прогуливаясь по внутреннему дворику тюрьмы. Все его движения были механическими, и Дорогин сам себе напоминал деревянную куклу с хитроумным механизмом внутри. Кто-то дал ему первый импульс, привел в движение, и вот он движется – вроде бы сам, но на самом деле, это пружины, колесики вращаются и за счет их он перемещается. И Сергей Дорогин с ужасом понимал, что скоро завод в нем закончится, и тогда взгляд его погаснет окончательно так, как гаснет лампочка в карманном фонарике, а сам он замрет, как детская механическая игрушка.

– Тридцать семь лет...

– Эй, мужик, осторожнее, куда прешь! – услышал он чей-то злой окрик.

Остановился, обернулся. Из «тойоты» высунулась лысая голова с приклеенным к нижней губе окурком.

– Куда прешь?! Напьются, потом шатаются, как придурки, под ноги не смотрят!

– Извини, извини, – пробормотал Дорогин механическим голосом и двинулся дальше, бездумно и размеренно переставляя ноги.

Руки он держал в карманах, за ним тянулся голубоватый шлейф дыма.

«Завтра у меня день рождения, завтра мне будет тридцать семь лет. Я всегда думал, что в этот день должен чувствовать себя счастливым, должен делать только хорошие дела, совершать красивые поступки. Завтра, завтра, двадцать четвертого сентября тысяча девятьсот девяносто пятого года, в шесть часов утра мне стукнет тридцать семь».

Дорогину захотелось выпить, чтобы хоть как-то прийти в себя, избавиться от навязчивых мыслей. Но денег у него почти не оставалось.

– Ничего, ничего, – сказал он сам себе. – Вечером Савелий отдаст деньги и тогда я смогу отметить свой день рождения, встретить его достойно. Куплю новую одежду, поеду туда, куда мне захочется. А куда мне хочется? – Тут же спросил он сам себя. – Я поеду на кладбище, поеду туда, где под гранитной плитой лежат жена и дети. Да, да, обязательно завтра поеду к ним! Я виноват, ведь это из-за меня, из-за меня все случилось. О, боже, за что ты меня так покарал? Ведь я почти не делал ничего плохого, я не убивал, не грабил, не насиловал, не воровал. За какие грехи ты так жестоко меня покарал, за какие? Скажи, чтобы я знал. Хотя, господи, мне сейчас все равно. Их уже не вернуть, не воскресить, хотя за жизнь детей я бы, не задумываясь ни на секунду, легко, без восклицаний и слов отдал бы свою. Пусть бы ты взял мою жизнь, но оставил их!»

Дорогин внезапно остановился, замер на месте, затем распрямил спину, поднял голову, высоко запрокинул ее и увидел на темном осеннем небе рассыпанные, как крупинки соли на темном пластике стола, мерцающие звезды.

«Который сейчас час? – он посмотрел на часы. – Черт подери, я же могу опоздать, Савелий меня не будет ждать!» – и он, резко развернувшись, быстро пошел в противоположную сторону, широко и легко ставя ноги, перескакивая через лужи.

Сейчас он уже не был похож на того Дорогина, каким являлся десять минут назад. Сейчас Сергей был целеустремленным, решительным и сильным мужчиной, знающим цель, ясно видящим ее перед собой.

Глава 6

– Вот сука, ну и живучий! – бормотал Савелий Мерзлов, наливая из двухлитровой бутылки в высокий стакан виски. – Ну и живуч! Как тот кот помойный, ему хвост отрубят, с крыши на асфальт сбросят, он еще под колеса машины угодит и после всего этого бегаёт. Да, живуч, гаденыш! Ну, ничего, и на тебя найдем управу, утомонишься наконец-то.

Деньги, которые Савелий Борисович Мерзлов давным-давно задолжал Сергею Дорогину, он отдавать не собирался. Мерзлов со стаканом в руке и с зажженной сигаретой расхаживал по большому грязному кабинету, заставленному черт знает какой мебелью. Ходил по грязному, вытопанному ковру, сбивая пепел с сигареты прямо себе под ноги. Столы, компьютер, кресло – все было завалено бумагами, коробками с пестрыми надписями.

«Живуч, живуч, каскадер долбаный, будь ты неладен! Свалился же ты снова на мою голову. Мы уже тебя, гада, давным-давно похоронили, а оказывается нет, жив пока. Ну, ничего, допрыгаешься, доиграешься. С Мерзлова решил деньги сорвать. Да если бы сейчас воскресли мой отец вместе с матерью пришли ко мне в контору и сказали: «Савва, Савва, нам есть нечего, дай денег», так я бы даже им не дал. А тебе, каскадер долбаный, я и не подумаю отдавать».

Долг был немалым, – пятнадцать тысяч долларов задолжал Савелий Борисович Мерзлов Сергею Дорогину, задолжал давно. И если бы Мерзлов был порядочным человеком, хотя бы на йоту, то он бы прекрасно понимал, что за четыре года эта сумма должна была по крайней мере удвоиться, а то и утроиться. Ведь он брал деньги у Дорогина под проценты, твердо обещая отдать все до последнего цента. Но Мерзлов поступал так всегда: брал деньги в долг, а затем не отдавал.

За последние четыре года, которые он не виделся с Дорогиным, дела его пошли в гору. В общем, сумма в тридцать тысяч долларов для него была не очень большой, ведь Савелий Мерзлов мог проиграть в карты за ночь десять, а то и пятнадцать тысяч. Но одно дело оставить деньги на столе, оставить тем, кто выиграл, тем кому повезло больше, и совсем другое отдать заимодавцу-неудачнику. Тут уж Мерзлов не мог пересилить себя. Он скрежетал своими вставными челюстями, кривил тонкие губы и сплевывал на пол, делая глоток за глотком, поглощая сорокатрехградусную золотистую жидкость.

– Фу, какая мерзость! – сплюнув после очередной порции виски, пробормотал Мерзлов, пригладил редкие волосы на крупной голове. – Что б ты сдох, каскадер долбаный! – в который раз как заклинание повторил одну и ту же фразу Мерзлов.

Затем подбежал к телефону, нервно сорвал трубку и принялся вдавливать клавиши.

– Ну, ну, ну, – говорил он, подгоняя самого себя.

Телефон не отвечал. Тогда Савелий Борисович выскочил из кабинета в комнату поменьше.

– Эй, слушай, – зло крикнул он своей секретарше, та сидела за столом, заложив ногу за ногу и хохотала, слушая очередной пошлый анекдот, который рассказывал водитель Мерзлова.

Тот, увидев шефа, смолк.

– Соедини меня с Бирюковским. Набирай, пока не ответит. Он должен быть на месте. А ты никуда не уходи, сиди тут.

– Что, куда-нибудь едем? – осведомился водитель.

– Едем, не едем, не твое дело. Места своего держись.

Хлопнув дверью, Мерзлов вновь скрылся в своем кабинете.

«И когда в конце концов у меня здесь порядок будет? Грязь несусветная, коробки, ящики, бутылки. Надоело, не могу все это видеть».

Он зло ударил ногой по ящику с сигаретами. Тот раскрылся, перевернулся, покатылся, содержимое высыпалось на пол. Прямо по пачкам Мерзлов буквально побежал к письменному столу.

«Где же этот козел, мудака? Должен же сидеть на месте. Когда не надо, он всегда держит задницу в кожаном кресле, бумажки читает. А тут, когда вопрос надо решить, ему не дозволяется!»

Савелий Мерзлов еще налил виски, налил почти половину стакана и, сделав несколько глотков, плюхнулся в кресло. Он был невысокий, широкоплечий. Очки в тонкой золотой оправе абсолютно не гармонировали с его грубым мясистым лицом, одутловатым, землистого цвета и с розовым большим носом. Маленькие мутные глазки поблескивали под стеклами.

«Вот незадача. Думал, все сложится хорошо, а тут, на тебе... И говорила же мне жена, что по гороскопу именно на сегодняшний день, именно на двадцать третье сентября мне придется рассчитываться с кредиторами. Вот уж угадала, как в воду смотрела. Дура жирная, свинья! Накаркала!»

Ни жену, ни детей Савелий не любил. И вообще, он на этом свете не любил никого. Даже самого себя и то презирал.

Наконец ярко вспыхнула лампочка на пульте большого телефонного аппарата, и раздался гудок.

Мерзлов схватил трубку:

– Алло, алло! – буркнул он в микрофон.

– Бирюковский говорить с вами будет, – прочитала секретарша.

– Савелий, я как узнал, что ты меня ищешь, сразу же все бросил.

– А, ты? Вечно тебя где-то носит.

– Собрание акционеров, я сказал, чтобы меня не беспокоили, пока не кончится.

– А меня не колышит, Лева, что там у тебя было – собрание акционеров, онанистов, мудаков, коммунистов – не колышет.

– Что стряслось? – прозвучал из трубки вопрос. – Ты что, опять в дрезину нажрался?

– Да нет, я почти трезвый. А вот у тебя проблемы могут быть. Уже начинаются.

– У меня проблемы? – взволнованным голосом спросил Лев Данилович Бирюковский.

– Да, да, Лева, у тебя.

– Ну, и что же это за проблемы?

Услышав голос своего партнера, сумев с ним связаться, Мерзлов немного успокоился, пришел в себя и, поудобнее устроившись в кресле, вытряхнул из пачки сигарету, закурил, и сопя в трубку, принялся объясняться.

– Хороших новостей у меня для тебя, Лева, нет. А плохих сразу несколько.

– Ну, давай, давай, что ты тянешь, Мерзлов, говори! Вечно ты напустишь туману.

– Какой на хрен туман, тут такое...

– Какое такое? ФСБ на тебя наехала или налоговая инспекция прижала, что стряслось?

– Налоговая инспекция. ФСБ!.. С этими я разобрался бы, даже не ставя тебя в известность, не засоряя словами телефонную линию.

– Тогда что, жена с другим переспала?

– Пусть бы она хоть со всей Москвой переспала, мне это до задницы, ей за мной в этом вопросе не угнаться.

– Тогда что, война началась?

– Не шути так, Лева, дело серьезное.

– Так не тяни кота за хвост, говори дело.

– Каскадер объявился, – выдал из себя Савелий Мерзлов. Ты меня слышишь, Лева, каскадер объявился.

В трубке воцарилось молчание. Затем тяжелый вздох и сопение.

– Как объявился? Мы же деньги заплатили! Я лично заплатил, чтобы он больше не шлялся по приличным людям.

– Ты заплатил, я заплатил, а он объявился, живой и здоровый.

– Ты его видел?

– Нет, не видел, но зато слышал. Слышал так же хорошо, как и тебя.

– И что ты думаешь делать? – задал довольно-таки глупый вопрос Бирюковский.

– Как это что? Исправлять ошибки надо.

– Я у тебя конкретно спрашиваю.

– Ах, конкретно. А что ты собираешься делать?

В трубке опять послышалось натужное сопение, словно бы из продырявленного баллона выходил воздух.

– Да не сопи ты, как паровоз, говори.

– А что тут скажешь?

– Ты ему много торчишь? – задал вопрос Мерзлов.

– Ну, раза в два или три больше тебя, это если без процентов.

– Тогда тебе и принимать решение. Я уже принял один раз, – Мерзлов подвинул к себе стакан, сделал один большой глоток виски и тут же закашлялся прямо в трубку.

– Хватит пить, – сказал Бирюковский, сказал так, словно бы они находились в одном помещении, будто бы он сидел напротив Мерзлова.

– Допинг, допинг, Лева, нервы сдают.

– Не волнуйся, – уже более спокойным голосом сказал Бирюковский, – с ним мы разберемся.

– Ну, ну, мы уже пробовали с ним разобраться, а он как кот помойный, ничто его не берет. Вилами его коли, кирпичом бей, а ему хоть бы что.

– Про кота это ты хорошо придумал. Люди у тебя есть?

– Какие люди? – спросил Мерзлов.

– Твои, которые как пионеры – всегда готовы.

– Конечно есть, куда же им деться, я плачу деньги, они при мне.

– Я тебе оплачу половину расходов, только пусть не ходит.

– Не понял, – сказал Мерзлов.

Хотя все он прекрасно понял. Подобная мысль, подобное решение проблемы было и у него в уме, но он до поры до времени боялся произнести эти слова. А вот Лев Бирюковский не испугался и произнес.

– Да, да, Савелий, нет человека и нет проблемы.

– Это ты хорошо говоришь. И вообще, хорошо тебе говорить.

– Да не очень, ведь сразу же после тебя он ко мне придет.

– Конечно, придет, Лева, и тогда мало тебе не покажется. А если ему еще кто-нибудь шепнет о том, как ты ему удружил и какие услуги оказал...

– Хватит, хватит, – быстро заговорил в трубку Бирюковский, – ты еще вспомни, что сто лет назад было.

– Причем тут сто лет, я говорю о недавнем прошлом, о твоём, моём, его...

– Хватит, ударился в воспоминания. Если ты разберешься с ним, то после, считай, что ты мне, Мерзлов, ничего не должен.

– Маловато будет, маловато, – сказал Савелий в трубку, сказал нагло и громко.

– Что? Маловато? Да я тебя, Мерзлов.

– Ладно, Лева, успокойся, не гони волну. Мы же с тобой партнеры, так сказать.

– Партнеры, партнеры, – пробурчал Бирюковский и выругался прямо в трубку.

– Вот видишь, значит, правду я говорю. В общем, ты меня понял.

– Да, понял, понял, чего же здесь не понять.

- Тогда сразу же позвонишь, мой номер ты знаешь.
- Хорошо, позвоню.
- А расписочку ты порвешь.
- Порву, порву прямо на глазах, не сомневайся.
- А я и не сомневаюсь.

Савелий Мерзлов, довольный собой, положил трубку и быстро прошелся по кабинету, наступая на рассыпанные пачки сигарет. Они хрустели целлофаном под подошвами башмаков, Мерзлов отбрасывал их в сторону так, будто бы это был ничего не стоящий мусор. Он еще минут пятнадцать ходил по кабинету от стены к стене, размышляя о том, как все лучше устроить.

Наконец решил, открыл дверь в приемную.

Его секретарша тут же загасила сигарету, а шофер повернул коротко стриженую голову с крепким затылком и посмотрел на хозяина, готовый тут же броситься выполнять любое его желание.

- Где сейчас ребята?
- А кто нужен, Савелий Борисович?

Мерзлов назвал несколько имен.

– Думаю, на месте, на складе.

– Позови сюда и скажи, чтобы пришли быстрее, у меня для них есть работа.

– Будет сделано, – вскакивая с мягкого кресла, ответил водитель и бросился выполнять приказание.

Он дошел до лифта, резко вдавил кнопку и стал ждать когда кабина спустится с двенадцатого этажа на седьмой. Лифт подъехал, створки дверей разошлись, водитель шагнул вовнутрь кабины прямо к своему отражению, чуть не столкнувшись с ним нос к носу. Сам себе подмигнул и поправил ворот кожанки. На его шее поблескивала золотая цепочка, подарок хозяина ко дню рождения.

Лифт пополз вниз.

А Мерзлов вытащил из кармана связку ключей на длинной серебряной цепочке с дурацким брелоком в виде черепа, открыл сейф, не глядя запустил туда руку, и вытащил пачку долларов. Мерзлов знал наверняка, в этой пачке, перетянутой черной аптечной резинкой, ровно десять тысяч. Можешь хоть двадцать раз считать, денег не прибавится и не убавится. Он подержал ее в руке, подержал так, как рыбак держит рыбу, не желая ее отпускать.

«Ну, ну, каскадер, денежки с меня хочешь получить? – на всякий случай Савелий Мерзлов положил деньги во внутренний карман своего дорогого, но изрядно поношенного пиджака. – Может, я тебе их и отдам».

Затем из верхнего ящика письменного стола он вытащил черный пистолет, настоящую «беретту», не поддельную, не газовую, а привезенную ему на заказ, проверил патроны и сунул в карман кожаного плаща.

Минут через двадцать в дверь постучали.

– Кто там? Заходите! – уже прекрасно зная, кто за дверью, крикнул Мерзлов, подошел к бутылке с виски, налил себе на два пальца и уселся за стол.

В кабинет вошли трое. Мужчины все были крупные, одетые в черные кожаные куртки. В прокуренном помещении мгновенно распространился запах сырой кожи.

– Вот что, орлы мои, мы с вами поедем на мост. Там я должен встретиться с одним человеком. Трое мужчин слушали Мерзлова внимательно. – Так вот, я с ним встречусь. Он хочет получить с меня деньги, а я не хочу их отдавать. И ваша задача, орлы мои, соколы любимые, сделать так, чтобы он больше никогда меня не беспокоил, никогда не звонил, никогда ко мне не приходил. И вообще, будет лучше, чтобы он исчез навсегда. Ну что, вам все понятно или нужны разъяснения?

– На каком мосту? – немного сипловатым голосом спросил самый низкий из этих трех великанов. Правда, даже этот низенький, этот коротышка был на полторы головы выше Савелия Мерзлова.

– На том мосту, по которому мы с вами ездим за город ко мне на дачу. Ясно?

– Ясно, ясно, ясно.

– Вот и хорошо, если вам троим все ясно. Но смотрите, соколы мои, чтобы все было чики-чики, без проблем и без последствий. Иначе вы сами знаете, пойдете на биржу стоять в очереди. И будьте уверены, там для вас работы не найдется.

– Да ладно, Савелий Борисович, ведь знаете, не подведем.

– Знаю, знаю. Это я так, на всякий случай, чтоб ухо держали востро и были ко всему готовы. Мужик, с которым придется разбираться, крутой.

– В каком смысле крутой? В смысле бабок? – спросил «коротышка».

– В смысле голову оторвать – крутой. Так что будьте ко всему готовы.

– Он придет один?

– Скорее всего, да.

– Ну, тогда нет проблем.

– Нет проблем, нет проблем, – пробурчал Мерзлов, – проблемы-то как раз есть. Вот именно их и надо решить, за тем вас и позвал. В общем, будьте готовы ко всему, он на самом деле мужик стреляный, крученный-перекрученный.

– Видали мы таких.

Мерзлов посмотрел на часы. До встречи еще оставалось тридцать минут.

– На чем поедем, – спросил «коротышка», – на вашей машине?

– Вы поедете на своей, а я на своей.

– Ясно.

* * *

Савелий Мерзлов подошел к шкафу, снял с вешалки кожаный плащ, в кармане которого лежал заряженный пистолет, потрогал рукой пачку денег во внутреннем кармане пиджака. К встрече с Дорогиным он был готов.

«Ну, каскадер, держись, мало тебе не покажется!»

– Пошли, мужики, – бросил он своим людям, направляясь к выходу. – А ты можешь быть свободна, – сказал Мерзлов секретарше, – и завтра чтобы появилась на работе ровно в девять утра.

– Будут звонки?

– Всем отвечать, что босс скоро приедет.

– Ясно, Савелий Борисович, – ответила девушка, быстро собирая на столе бумаги и ручки, а также маникюрные ножницы, пилочки, бутылочки с лаком.

«Надо ее уволить», – шагая по коридору, подумал Мерзлов.

* * *

Сергей Дорогин стоял на мосту и смотрел вниз, на воду, до которой было метров двадцать. Река напоминала ему черное, медленно текущее стекло. Иногда под центральным пролетом проплывала длинная баржа, груженная песком, который светился в темноте. Сергей провожал взглядом красные огоньки буксиров, быстро проплывающие моторные лодки и не спеша курил, стряхивая пепел вниз, на черное стекло неторопливо текущей реки.

Стоя на мосту, по которому проносились автомобили, и глядя на темную воду реки, Сергею Дорогину пришла в голову мысль, что когда-то давным-давно, может, даже в одной из

предыдущих жизней, с ним такое уже случалось. Он так же стоял и смотрел на реку. Только тогда в темном стекле воды отражались не огоньки буксиров, а высокие звезды. Да, да, когда-то такое с ним было.

И тут же он вспомнил, что случилось это не в предыдущей жизни, и даже не очень давно, каких-то лет десять тому назад. Тогда он тоже стоял на мосту в другом городе и его ладонь лежала на холодном железе перил, пальцы подрагивали, отбивая такт простенькой мелодии, и он весь был в предвкушении счастья.

Вера тогда появилась неожиданно. Услышав хлопок дверцы, он обернулся. Вера выпорхнула из машины, бросилась к нему на шею. Они целовались на мосту и им было безразлично кто на них смотрит, что говорит. Они были молоды, счастливы.

«Да, это произошло со мной. Но... действительно... в другой жизни», – подумал Дорогин и услышал сигнал клаксона.

На звук Сергей резко повернул голову. Фары машины несколько раз моргнули.

«Вот и Савелий», – подумал он и не спеша направился к черному джипу.

Из джипа на высокий мостовой тротуар вылез Савелий Мерзлов в черном кожаном плаще. Он уже издали замахал руками, изображая радость встречи.

– Сколько лет, сколько зим! Серега, а ты не изменился, – громко заговорил Савелий Борисович, раскидывая руки для дружеских объятий.

Сергей прореагировал на этот жест холодно. Он сделал несколько шагов навстречу и замер.

– Да что ты, Серега, как будто меня боишься? Ведь мы же не виделись с тобой целую вечность.

– Да, да, давненько я тебя не видел.

– Ну, не так уж и давно. Четыре года – это не срок.

– Это кому как. Это тебе, Савелий, хорошо рассуждать, ведь ты не лежал на нарах, не валялся в лесу, не ходил по тюремному двору от стены к стене, не слышал лая собак и окриков конвойных.

– Да ладно тебе, Дорогин, расписываешь так, словно бы ты в сталинском ГУЛАГе двадцать пять лет оттрубил, а не в колонии демократической России.

– Я и не расписываю – обозначаю.

– Ну и ладно, здорово, что встретились, – подал мясистую ладонь Мерзлов.

Сергей пожал руку.

– Что скажешь?

– Ты меня, конечно, извини, Серега, что не пригласил к себе в офис, что не сели мы с тобой за стол, не выпили за встречу...

– Мерзлов, не стоит об этом. Давай лучше поговорим о деле.

– О деле, так о деле. Ты не волнуйся, деньги я тебе принес.

– Это хорошо, – коротко бросил Дорогин, – на большее я и не рассчитывал.

– Как ты, чем собираешься заняться?

Дорогин пожал плечами. Ему не хотелось разговаривать с Мерзловым, не хотелось рассказывать о том, чем он собирается заниматься.

А Мерзлов заглядывал Дорогину в глаза, крякал, как большое жирное животное, мерзко хихикал и похлопывал Сергея по плечу.

– Ну, ты, брат, совсем и не изменился, будто в санатории отдыхал, словно бы на Багамы или на Канары слетал.

– Да уж, и не говори. Канары и нары рифмуются.

– То-то я и смотрю, еще шире в плечах стал, да и руки крепкие.

– Подержал бы ты, Мерзлов, с мое топор, помахал бы им с утра до вечера и у тебя мозоли появились бы.

– Нет уж, нет уж, лучше от топора подальше держаться – от топора, пилы, конвойных, собак и всего прочего. Ты уж меня извини, это я так, от смущения и от радости. Кстати, Серега, как ты меня нашел, а? Расскажи.

Сергей Дорогин ухмыльнулся, закурил сигарету и смерил Мерзлова взглядом от начищенных башмаков до кепки, маленькой, кожаной.

– Я смотрю ты, Мерзлов, очки носить начал. Что, зрение подводит? Или читать много стал?

– Да нет, ты знаешь, со зрением все в порядке. Так, для солидности. Я же бизнесмен, а не дерьмо собачье.

– Бизнесмен, говоришь?

– Да, бизнесмен, контору имею, фирму.

– И чем же ты занимаешься в своей фирме?

– Всякой всячиной – сигареты, водка. Всем, на чем можно деньги сделать.

– Понятно. Значит, при деле? Хорошие и быстрые деньги.

– При деле, при деле, Серега. Плохими деньги не бывают, а вот насчет быстроты, я бы с тобой поспорил. А ты-то чем заняться думаешь? Может, ко мне пойдешь работать?

– Нет уж, Мерзлов, я с тобой поработал и больше не хочу. Деньги где?

– Деньги все в деле крутятся, выдернуть их проблема. Поверишь ли, временами сделку на сто тысяч проворачиваешь, а у самого в кармане сущая мелочь. С колес живу. Вот и теперь, ты мне про долг напомнил, я друзей напряг, сам в долги залез, мне прямо сюда бабки и привезут.

– Так ли?

– А что так, Серега? Я же тебя не обижал, относился к тебе, как к брату. Кстати, вот и мои ребята прикатили, денежки тебе несут. Все, что смогу, сполна верну, все, как ты говоришь, до капли.

– Ну-ну, – улыбнулся Сергей.

В это время к нему приблизился «коротышка», держа руки в карманах кожанки, за ним подошли еще двое.

– Кстати, вот твои деньги, пересчитай, – Мерзлов вытащил пачку из внутреннего кармана пиджака и подал Дорогину. – Хотя можешь и не считать, здесь все чики-чики, тютелька в тютельку, так что не волнуйся.

Сергей взял деньги, ощутив пальцами, как свежие купюры захрустели, переломил пачку надвое и, глядя в глаза Мерзлову, сказал:

– Слушай, так ведь это не все.

– Я же тебе и говорил, что сразу все не смогу вернуть. Ты свалился как снег на голову. Мне же их тоже где-то надо взять, а банки, как ты понимаешь, уже закрыты.

– Да, да, закрыты, Савелий.

– Эти деньги у меня на руках были, а ребята еще подвезли. Чего ты так на меня смотришь?

– Когда все отдашь, тогда я по другому и смотреть стану.

– Ребята, вы мне деньги привезли?

– Сейчас, сейчас...

Сергей расстегнул молнию куртки и уже хотел было спрятать деньги, как в это время в руках «коротышки», стоявшего справа от Сергея, сверкнуло лезвие выкидного ножа. Сергей успел среагировать, но все равно опоздал на какие-то доли секунды. Острый нож распорол куртку и лезвие по самую рукоятку вошло ему в бок. Савелий ухватился за пачку денег, Сергей бросился в сторону, пальцы разжались, деньги выпали. Он побежал по мосту, понимая, что далеко уйти не сможет.

– Ну, что ты, козел! – раздался у него за спиной крик Мерзлова, который был обращен к бандиту, нанесшему удар. – Добейте его, добейте! Уйдет же, гаденыш, уйдет!

Сергей почувствовал, что еще несколько шагов и преследователи его настигнут. Заурчал мотор машины.

– Нет, не бывать по-вашему, не дам себя зарезать, как овцу, не дам!

И из последних сил, схватившись руками за холодные мокрые перила, Дорогин навалился на них животом, на мгновение забыв о страшной ране, оттолкнулся ногами и полетел в темноту, вниз, к черному стеклу воды.

– Ну ты и козел, урод! – кричал Мерзлов на «коротышку».

Четверо мужчин стояли, уцепившись руками в перила, и вытянув шеи, смотрели на реку.

– Ты что, не мог уложить его на месте?

– Да он, мать его... заметил и дернулся. Я бил наверняка.

– Да кто так бьет? – кричал Мерзлов.

– Да не волнуйся, Савелий Борисович, все равно ему кранты. Нож по ручку вошел, я ему дырку сделал – рука влезет.

– Рука, рука.

– Да он разбился – наверняка. Разбился, а потом утонул. Даже кругов нигде не видно.

– А что ты там в темноте увидишь? Сколько здесь метров высоты?

– Метров двадцать, не меньше, а внизу камни. Он же прыгнул здесь, над самой опорой, бетон и камни. Так что будьте спокойны, считайте, он труп.

– Хорошо бы, чтоб так было. Слушай, спустись вниз, оттуда посмотри, может, он лежит там, под опорой, на камнях.

– Ладно, сейчас сделаем. Пойдешь со мной? – спросил «коротышка», обращаясь к крепко сбитому мужчине, сидевшему в автомобиле.

– Сам сползаешь.

– Как хочешь...

– Не как хочу, а так надо.

Глава 7

Самодельный плот, сооруженный из полустгнивших досок и двух ржавых бочек, покачивался метрах в пятнадцати от берега. Рыбаки перебрасывались короткими фразами, поглядывали на темно-свинцовую воду, на белый осенний туман, прислушивались к крику птиц, плеску воды и не отрываясь следили за красными точками дешевых перьевых поплавков.

– И погода вроде бы ничего, а клева нет, – стряхивая пепел прямо в воду, сказал четырнадцатилетний Игорь и поглубже натянул на голову вязаную лыжную шапочку.

– А что ты хотел, – сказал его приятель, удобнее устраиваясь на доске, – только выплыли, только якоря бросили, а ты хочешь, чтобы сразу клевать начало. Так не бывает.

– А мне кажется, тут место гнилое, Коля, зря сплавлялись, – сказал Игорь и далеко щелчком пальцев отбросил сигарету. Та зашипела и погасла. Затем мальчишка принялся следить за тем, как течение медленно понесло ее в туман.

– Нормальное место, – сказал Николай, – лучшего места на этой реке нет. И от моста далеко...

– Вот, надо было бы, наверное, под мост, – тут же подхватил его друг, – там всегда клюет.

– Да что ты! Там же поезда грохочут, машины носятся. Ну его к черту, под мостом ловить. Мы как-то с Витькой Рыжим сидели там... Так какой-то козел на машине ехал, бутылку в окно швырнул, так Рыжего эта бутылка чуть не убила. В плечо как заехала, так у того рука три дня не поднималась.

– А, так ему, придурку, и надо!

– Да к тому же там, под мостом, течением сносит, и якоря не помогут.

– Эй, эй, – вдруг воскликнул Игорь сдавленным приглушенным голосом, – смотри, поплавок твоего нету!

Колька схватился за телескопическое удилице, уверенно подсек. Его рот тут же открылся, глаза сузились, брови сдвинулись, как говорят, стали домиком.

– Не дыши.

– Чего уж.

– Молчи.

Он втянул голову в плечи, покрепче сжал пальцами удилице, катушка затрещала, леска начала уходить.

– Ого, гадина, большая! – с присвистом выдохнул из себя Колька. – Давай, давай скорее подсачек, я ее сейчас, суку, вытащу.

– Тихо, не спеши, уйдет ведь!

Юные рыбаки возбудились, они явно не ожидали столь скорого начала клева, тем более, представить не могли, что не пройдет и двадцати минут, как они станут на якорь, и сразу же возьмет большой лещ. А то, что это был большой лещ, парни не сомневались. Кому же еще здесь быть, если ловишь на червя и на такой глубине?

– Давай его, тихонько, осторожнее... Нежно, нежно, – приговаривал Колька, глядя на натянутую, как струна, леску, которая разрезала воду, уходя то вправо, то влево.

– Притормози катушку!

– Не учи, сам знаю! – зло крикнул Колька, а затем грязно, насколько умел для своего возраста, выругался.

Горящая сигарета прилипла к нижней губе и вид у Кольки был яростный, словно там, на крючке, в темно-свинцовой воде, на глубине двух метров была не рыбина, а гигантский аллигатор. А ему предстояло, зажав в зубах нож с огромным сверкающим лезвием, броситься в ледяную воду и там закончить поединок.

– Ну, давай же, давай!

- Чего уж, как получится.
- Сорвется, убью.
- Что могу, делаю.
- А ты через не могу.

Удилище дрожало в руках рыболова, оно еще так и не разогнулось. Лещ, не останавливаясь ни на секунду, тянул в глубину.

– Давай, давай же! Что ты тянешь, мямля, сейчас же уйдет!

– Не уйдет, не уйдет, – Колька, придерживая немного удилище левой рукой, принялся наматывать леску на катушку по сантиметру, по два, забирая леску, подтягивая рыбу к лодке.

Игорь уже стоял наготове. Он держал в руках подсачек и был готов в любой момент им воспользоваться. Он не смотрел на поплавок своей удочки, который подрагивал, качаясь на волнах, был всецело поглощен поединком друга с большим лещом.

– Килограмма два, наверное, не меньше, – сказал Игорь.

– Не звезды ты сейчас, сорвется! Не каркай под руку! Ворона.

Наконец лещ показался на поверхности. Он действительно был большой, но не настолько, как представляли себе Игорь и Колька. Лещ был килограмма на полтора с темной спиной с почти черным хвостом.

Едва рыба коснулась поверхности, как тут же замерла, хватанув воздуха, и Колька принялся ее потихоньку подтаскивать к плоту. Тот, будучи неустойчивым от природы, накренился, готовый вот-вот перевернуться.

– Тише, тише, откинись назад!

То, что на помосте уже плескалась вода, парней ничуть не смутило.

– Давай, давай, тише!

Игорь смотрел на голову рыбы, вернее, на ее рот, где виднелся черный крючок, державшийся за кончик губы. Он хотел сказать другу, чтобы тот был поосторожнее, что крючок едва держится, но побоялся брякнуть под руку, побоялся гнева и грязных ругательств. Он лишь подался чуть-чуть вперед, покрепче взял в руки подсачек.

– Ну же, ну, еще на полметра!

Когда до подсачка оставалось сантиметров тридцать, Игорь набрал полные легкие воздуха. А Колька все это время не дышал, затаился, медленно подтягивая серебристого леща к плоту.

– Давай, хватай, бери его! – выдохнул в конце концов Колька.

– Беру.

И Игорь, подставив подсачек, поднял его вверх. Лещ забился в сетке, зазвенела леска, и поплавок, описав дугу в воздухе, просвистел над головами рыбаков.

– Сорвался! – еще не поняв, выкрикнул Колька.

– Да ни хрена не сорвался, сидит. В сетке он, – высоко приподнимая подсачек и волоча его по воде, радостно прокричал Игорь.

– Ля, в самый последний момент. Еще бы чуть-чуть...

– Да я видел, видел, крючок уже на соплях держался, за самый краешек губы. Ничего, повезло.

– Бывает.

Когда леща опустили на дощатый настил, когда возбуждение понемногу спало, руки перестали трястись, Колька наконец-то отодрал присохший окурочек от нижней губы. Та треснула и яркая кровь большой каплей, похожей на клюкву, повисла на губе.

– Ну, классный лещ! Вот повезло. А ты говорил, место гнилое. Место отличное, – потирая руки и поглаживая подрагивающую на досках рыбку по боку, а затем вытирая слизь прямо о рукав, пробормотал Колька.

– Тише, не шуми, – вдруг одернул его Игорь, и глянув на свой поплавок, схватил удилице. – И у меня, кажись, есть!

Он аккуратно подсек, почувствовал сопротивление на конце лески и медленно стал выуживать рыбину. Ему повезло меньше. На крючке оказался бойкий окунь граммов на двести пятьдесят, который яростно сопротивлялся, не желая попадать в садок. Но он заглотал червя так сильно, что сорваться практически не мог.

– Ну вот, видишь, – самодовольно хмыкнув, сказал Колька, – и у тебя добыча.

– Ай, окунь... Красивый, правда?

Игорь намотал леску на палец, немного разжал окуню пасть и прямо с кишками выдернул крючок. Рыба судорожно забилась.

– Вот если бы так все время, так мы бы с тобой к полудню по ведру натаскали.

– Может, повезет, – цепляя кучку червей на крючок, сказал Колька.

Он подержал перед собой поводок, задумался на несколько секунд, затем, собрав слюну, смачно плюнул на крючок и широко размахнувшись, забросил наживку подальше. То же самое проделал и Игорь.

– Ну вот, теперь можно закурить. А рыба пусть себе ловится.

– Убери ты кровь с губы! – раздраженно заметил Игорь, глядя на Кольку.

На высоком берегу реки росли деревья, уже яркие в осенней листве. Иногда по воде, прямо возле плота, медленно скользили, словно кораблики, огненные листья клена, лимонные листья осины. Эти листья напоминали огоньки, настолько они были яркими и красивыми.

Противоположный берег реки тонул в тумане, в серебристо-белом, густом, чуть-чуть подсвеченном ярким солнцем. Железнодорожного моста, который находился метрах в четырехстах вверх по реке, естественно, видно не было, но время от времени рыболовы слышали шум, грохот пронесшихся по нему составов. Еще дальше проходил мост автомобильный, тот не отзывался, звуки гасли в тумане.

Колька скосил глаза от поплавок в туман, щелкнул пальцами и констатировал:

– Вот, Игорешка, скорый на Москву пошел.

– Ну и хрен с ним. Нам-то что, мы сидим себе на реке, рыбку удим, а в поездах придурки ездят, и в школу дураки ходят, когда прогулять можно; пусть, что хотят, то и делают.

– Да, хорошо, что мы сейчас здесь, а они все там, – рассуждали про своих одноклассников парни. – Давай еще немного сыпанем подкормки, а?

– Сыпани, – сказал Игорь.

Колька запустил руку в старый вещмешок, зашелестел целлофаном, взял пригоршню комбикорма и бросил в воду, стараясь попасть повыше своего поплавок, чтобы течение снесло подкормку прямо на крючок.

– Ой, хорошо! – выдохнул Игорь и подтянул свой поплавок чуть-чуть выше. – Интересная штука, рыбалка, сидишь здесь, тепло, хорошо, куришь. А рыбы где-то там, в воде, плавают у дна.

– А, может, ее там и нет.

– Как это нет?

– Нет, да и все! Ушла в другое место.

Колька чуть-чуть наклонился, опустил руку в воду, и его толстые губы задрожали.

– Брр-р! Холодная, как лед! Представляешь, – сказал Игорь, свалиться с плота в такую воду! Долго в ней не протянешь.

– Поплыл к берегу, да и всех делов.

– Мы однажды зимой с дядей провалились под лед, так я пока до дому добежал, весь ледяной коркой покрылся.

– Как эскимо, что ли?

– Нет, как фруктовое, – заулыбался Колька. – А вода и действительно холодная. И как это рыба терпит такую холодрыгу? Мы в фуфайках, шапках, свитерах, и то прохладно, а ей хоть бы что.

– Да, рыба тебе не человек, – глубокомысленно принялся рассуждать Игорь, подергивая удилище, не давая поплавку уплыть дальше по течению. – Что-то, Коля, клева здесь никакого. Может, к траве сплывем, к берегу? Может, она вся там, где солнышко?

– Нет, давай еще посидим, выкурим по сигарете, а потом посмотрим. Не будет клевать – поплывем к берегу.

– А, ты уже поймал одну хорошую рыбину, вот и не хочешь с места двигаться. И вообще, ты ленивый.

– Это я ленивый? Если хочешь, давай, поднимай якорь.

Игорь принялся поднимать веревку, плот закачался. А Колька собрав свою удочку, передал ее Игорю и взял весло.

– Держи, я буду грести.

– Только не на течение. Ну его на хрен, поплавки сносит, будет поклевка, так не увидишь.

– Жаль, прикормили место, – сказал Колька и взглянул на темную воду. – Вот и туман рассветается, солнце светит, сейчас станет тепло.

– Ладно, гребь.

Плотик короткими толчками, сносимый течением, пошел, покачиваясь из стороны в сторону, одновременно к берегу и к мосту, конструкции которого начали проявляться, как бывает на фотобумаге.

– Ближе, ближе, – руководил движениями гребца Игорь, – туда, к камышам, там должны ходить окуни.

– Может, будут, а может и нет. Мы с дядей возле травы никогда не ловим.

– Да ты меня уже достал со своим дядей. Что он у тебя аквалангист или колдун?

– Не знаю, не знаю, – тяжело дыша, сказал Колька, засопел и принялся веслом разворачивать плот, хотя понять, где у него нос, а где корма, было довольно сложно. – Он просто рыбак клевый, а то, что он пьяница, так это его дело.

– Ладно, ладно, – согласился Игорь, – хороший рыбак, так хороший. Бросай якорь, бросай скорее, а то снесет. Видишь, местечко ничего?

– Именно, что ничего.

– Поменьше рассуждай, с поднятой удочкой, вообще, ничего не словишь.

Якорь упал, трос натянулся и плотик замер на месте, сносимый течением то вправо, то влево.

– Давай, бросай второй якорь, а то будет носить нас, будем здесь качаться, как дерьмо в проруби.

– Каждый болтается, как умеет.

– Ты только болтаться и умеешь.

– Вот, тоже, скажешь... – Игорь передал удочки Кольке, а сам принялся возиться со вторым якорем, который представлял собой большой булыжник в авоське.

– Ну, бросай же, самое подходящее местечко!

Камень тяжело, глухо булькнув, ушел под воду. Вскоре трос натянулся.

– Ну, сколько глубина?

– Метра три с половиной будет.

– Глубоковато, ничего здесь не будет. К траве станем бросать поближе.

– Давай попробуем. Только червей надо поменять.

Ребята взялись цеплять свежих червей, поплевали на них, и переглянувшись, забросили удочки.

– Давай, на спор, – сказал Колька и облизал толстые губы, – я первым поймаю.

– Да пошел ты со своим спором! – Игорь был явно недоволен. Ведь это Колька подбил его поехать на рыбалку. Их велосипеды были спрятаны в кустах на берегу.

– Ну же, ну! – пробормотал Игорь, глядя на красную черточку своего поплавок, который медленно плыл, влекомый течением.

И наконец, когда Игорь хотел перезабросить удочку, поплавок несколько раз дернулся, замер на месте и быстро поплыл против течения.

– Тащи! – выдохнул Колька, с завистью глядя на поплавок приятеля.

Игорь аккуратно подсек. Кончик удилица задрожал, изогнулся.

– Ну, что там? Что?

– Хорошая идет, хорошая! – прошептал Игорь, медленно выуживая подлещика граммов на триста. – Ну, пошла работа.

У Кольки тоже поплавок замер, дернулся, затем вынырнул и лег.

– Тащи, тащи! – постукивая указательным пальцем по катушке, шептал Колька и уже высунул язык, готовый подсечь рыбу.

Но поплавок встал. Колька потянул, и леска легко вышла из воды.

– Черт подери, червяка только испортил!

– Наверное, подлещик, – заметил Игорь, цепляя червяка на свой крючок.

– Подлещик, подлещик...

– А то кто же? Видел, как поплавок положил?

Игорю повезло. Он вытащил еще одного подлещика, примерно, такого же, как и предыдущий. У Кольки не клевало, и он принялся ворчать:

– Давай ближе к траве, ни черта здесь не словишь!

– Куда уж ближе? Там цепляться будет.

– Да не будет цепляться. Все там нормально. Возле травы окуни, густера, давай туда.

– Подожди.

У Игоря опять дрогнул поплавок. Он подсек, и его удилица задрожало, изогнулось.

– Подсачек, подсачек! – с присвистом выкрикнул он. – Готовь подсачек, лещ! Здоровенный лещ! У, черт, не повернуть.

И действительно, удилица как изогнулось, так и не разгибалось.

– Аккуратно, Игореша, аккуратно, не дай уйти!

Леска с катушки начала разматываться и уходить в воду.

– Во дает, вот тащит! Наверное, лещ большущий.

– Да тащи, что ты. Сейчас всю леску раскрутит!

– Не раскрутит, – Игорь пальцем начал придерживать катушку, замедляя движение рыбы.

Наконец кончик удилица задрожал.

– Ну, давай, подматывай потихоньку, Игорек.

– Не учи ученого, съешь дерьма печеного! – зло выкрикнул Игорь, тяжело проворачивая катушку.

Его удилица дрожало, лоб покрылся потом, губы кривились. И выражение лица у него было такое, будто он вот-вот разревется.

– Ну, давай же, давай, что стала, чертова рыбина! Хорошая, хорошая, – тут же исправился рыболов, – я тебя сейчас... Давай, давай...

Медленно, сантиметр за сантиметром, он принялся сматывать леску на катушку. Только бы не оторвалась, только бы не оторвалась.

А Колька был уже наготове. Он опустил подсачек в воду, готовый подхватить рыбу.

Наконец лещ оказался метрах в шести от плотика. Он тяжело, как серебряное блюдо, вывернулся и опять ушел под воду.

– У, здоровый! – не смог удержать восторг и восхищение Колька. – Как доска стиральная!

– Тише, тише, не кричи.

– Теперь уже не спугну.

Игорь медленно попытался подвести леща к плоту и это ему удалось. Колька тоже показывал всю свою сноровку и прыть. Он ловко подвел подсачек под огромную рыбину, на несколько секунд замершую и переставшую сопротивляться, подхватил ее. Рыбина тяжело провалилась в сетку и яростно началась биться, поднимая фонтаны брызг.

– Давай, давай, Колюня, сюда его, сюда! У, красавец, у, зверюга, крокодил настоящий!

Лещ оказался килограмма на полтора. И парни, бросив его в сетку, принялись хохотать.

– У, как мы его завалили, а! Ну и лещина! Дядя мне и говорил, что сегодня будет браться лещ.

– Да, он у тебя не дурак, – сказал Игорь.

Они на радостях покурили, тут же забросили удочки, насадив свежих червей. Но как бывает на рыбалке, за первой поклевкой вторая не последовала. И мальчишки со скучающим видом почти час просидели, глядя на поплавки.

И может, они сидели бы еще час, если бы Колька не взглянул на прибрежные камыши.

– Эй, смотри что там такое?

– Где?

– Да вон, в камышах, возле куста.

– А что там? – Игорь сощурил глаза, приложил ладонь козырьком. – Ни хрена не вижу, коряга какая-то.

– Да не коряга это.

– А что же тогда?

– Смотри, смотри, вроде, шевелится.

– Да брось ты! Что там может шевелиться под кустом?

– Эй, глянь, да это, кажись, человек!

– Человек? Да ты что, спятил, что ли? Какой человек в такую холодрыгу?

– Да нет, нет, глянь, вон и голова, я вижу.

– Где голова? – вглядываясь в заросли, спросил Колька.

– Да вон, прямо под кустом.

– Да никакая это не голова, шина, наверное, от автомобиля.

– Какая на хрен шина, человек это!

– Да ты что, спятил – человек! Откуда здесь человеку быть? Место такое глухое...

– Кто его знает. По-моему, человек. Подплывем, посмотрим?

– Да брось ты, давай ловить дальше.

И возможно, если бы рыба клевала, ребята так и остались бы сидеть на месте. А так как клева не было, то у Игоря появилось желание посмотреть, что же это там такое у зарослей камыша.

– А, давай глянем что там. К тому же мне на берег хочется.

– Я же тебе говорил, не жрать столько помидор, вот тебе и хочется на берег.

– Жрать, не жрать, теперь то какая разница? Хочется, да и все тут, желудку не прикажешь.

– Не желудку, а прямой кишке, – рассудительно заметил Колька и принялся поднимать якорь.

Парни отцепили плот, и короткими толчками Колька погнал его к камышам. Они проломились сквозь стебли, которые хрустели и ломались. То темное и непонятное, что они увидели вначале под кустом, исчезло в воде.

– Да точно, это, наверное, скат от машины.

– Не скат это! – толкая плот, сказал Колька. – А ты подтягивайся, хватайся за тростник.

И действительно, это был не скат. Под кустом, в тростнике, лежал человек в темно-синей, почти черной куртке.

– У, ля, человек! – бледнея, воскликнул Игорь и привстал.

– Сиди, а то сейчас перевернемся. Давай ближе, давай. Да вытащи ты весло, отталкивайся о дно, мне дай второе.

Парни подплыли прямо к телу. Мужчина лежал, чуть выставив лицо и грудь из воды.

– Да он, наверное, давным-давно мертв.

– Наверное, – сказал Колька. – То-то утром, когда я собирался и выходил из дому, кот дорогу перебежал.

– При чем тут кот!?! Давай чуть ближе.

Парни подплыли еще чуть ближе и Игорь, так как был чуть смелее, тронул веслом тело мужчины, который лежал почти весь в воде, уцепившись правой рукой за куст лозы. Тело оставалось неподвижным.

– Толкни, толкни еще раз, – сказал Колька, покусывая от волнения толстые губы.

Игорь еще раз ткнул веслом.

– Покойник, – каким-то до странности спокойным голосом сказал он и посмотрел на небо.

Они заплыли в густые камыши и не были видны со стороны реки, разве что с высокого берега можно было рассмотреть плотик и двух парней на нем.

– Эй, давай вылезем.

– Глянь, глянь, у него часы классные, – на запястье правой руки поблескивал браслет.

– Ну-ка, ближе, – пробормотал Игорь.

Колька подтолкнул плотик, и он своей ржавой бочкой-поплавком налез на тело мужчины, притапливая, почти заталкивая его под воду.

– Да тише ты, осторожно!

Возле берега было неглубоко, и парни спрыгнули в воду. Сапоги у них были высокие, рыбацкие.

– Смотри, да он вроде бы живой!

– Ни хрена он не живой! Ты что, Колян, какой на хрен живой!

– Да нет же, живой! Пузыри из носа идут.

– Точно, идут пузыри. Давай его приподнимем.

Парни схватили мужчину и попробовали приподнять. Но тот уцепился пальцами правой руки за куст так крепко, что ни Колька, ни Игорь не смогли его оторвать. Глаза мужчины открылись и тут же закрылись.

– Ля, живой! Вот те и на! Сколько же он здесь провалялся?

– Глянь, у него башка в кровь разбита.

И действительно, ото лба к затылку тянулась рана. Кожа была чуть-чуть содрана, но рана уже не кровоточила, скорее всего, вся кровь ушла. Минут пять парни пытались отцепить руку, наконец, они смогли разжать пальцы и выволочь мужчину на сухую кромку, на рыжую траву.

– Да нет, не дышит он.

– А ты пощупай пульс.

– Сам пощупай, – сказал Игорь. – А что мы будем с ним делать? – пробормотал Игорь и посмотрел на приятеля.

Тот пожал плечами:

– Слушай, а может, ноги надо делать?

– Как ноги?

– На хрен нам неприятности, разборки всякие. Еще подумают, что это мы его.

– Кто подумает? – спросил его Колька.

– Как это кто – тот, кто припрется.

– Да нет, надо сказать людям, что здесь человек. Может, вызвать милицию?

– А где ты возьмешь милицию?

Игорь пожал плечами:

– Тут же рядом дорога. Может, выберемся, позовем кого?

– Вот сам и иди зови.

– А ты? – спросил Игорь у Кольки.

– А я останусь здесь.

– Не хочу я никуда идти.

– Эй, погоди, может, часы у него снимем? Классные часы, видишь, наверное, золотые.

– Да, похоже, – мальчишки, забыв о страхе, принялись рассматривать часы с тремя циферблатами.

– Да, котлы у него классные. Наверное, бандит какой-нибудь, его свои же и замочили, – голосом знатока сказал Колька.

– Если никого не звать, так он здесь дойдет на берегу.

– Ладно, пойдем позовем вместе.

– А потом?

– А потом, не знаю.

Оставив на траве тело мужчины, ребята быстро принялись карабкаться вверх по узкой, едва различимой тропинке. Этой же тропинкой они несколько часов тому назад, держа на плечах велосипеды и тяжелые рюкзаки, спускались к реке. Теперь им приходилось подниматься вверх.

Они тяжело дышали, раскраснелись от тяжелого подъема, были возбуждены.

– Слушай, Колька, – сказал Игорь, – а может, ну его на хрен, а? Спрячем плот в камышах, соберем удочки и махнем отсюда?

– Да ну, ты что, мужик же может сдохнуть. Он же еще живой.

– Живой, не живой... Какая нам разница?

– Милиция затаскает, будет спрашивать кто мы такие, откуда взялись, почему не на занятиях.

– Да ну, брось ты, – махнул рукой Колька, облизал пересохшие губы, поглубже натянул лыжную шапочку и принялся карабкаться выше.

Минут через пять они уже взбирались по откосу на шоссе на дорогу.

– Вон какая-то машина от города идет, с моста, видно, съехала.

– Давай тормознем, – сказал Колька, поднимая руку.

На огромной скорости КамАЗ с фургоном пронесся мимо ребят. Зашуршала подхваченная ветром листва, разлетелась в разные стороны. Автомобиль даже не замедлил ход.

– Что б ты сдох! Что б у тебя колеса полопались, козел! – сказал Колька.

А Игорь стал прислушиваться, не едет ли еще какая-нибудь машина. День выдался выходной, суббота, машин на дороге почти не было.

– Ай, давай уйдем, Коля. Слушай, зачем нам проблемы на свою голову?

– Да ты что! А если бы это твой батя лежал?

– Ха, если бы батя. Тогда другое дело, а так мы даже не знаем кто это, может, бандит какой.

– Какая разница, Игорь, бандит или не бандит? Человек ведь помирает, давай спасем.

– Ну, ладно.

– Ты тут лежать мог.

– Это ты брось, а вот не увидеть его мы с тобой вполне бы могли.

И тут ребятам повезло. По шоссе мчалась машина «скорой помощи» с выключенной мигалкой. Но то, что это «скорая помощь», ребята узнали позже, когда автомобиль был уже невдалеке.

– Стой, стой! – замахал руками, стащив с головы шапку, Колька. Игорь тоже стоял на обочине и размахивал руками.

«Скорая помощь» замедлила движение, затем, проехав метров десять, остановилась. Приоткрылась дверь, и из окошка высунулся мужчина в белом халате.

– Чего надо, пацаны? Что случилось?

– Послушайте, там внизу мужик, утопленник.

– Какой еще утопленник? – вытаскивая из нагрудного кармана пачку сигарет и выбираясь из автомобиля, спросил врач. Если мертвец, то это не по моей части, я врач, а не патологоанатом.

– А хрен его знает, какой. Мы здесь рыбу удили, – принялся объяснять Игорь, махая при этом руками в разные стороны. – Вон там, внизу. Мы вначале на одном месте ловили, потом на другом. А он, – Игорь махнул на Кольку, – говорит мне, мол, что-то там под кустами, в тростнике. Я начал смотреть. А когда подплыли, видим мужик.

– Живой?

– Мужик, говорю.

– Какой мужик? – недовольно пробурчал, еще не веря в происходящее, врач.

Из машины выбрался и водитель.

– Ну, где он там?

– Внизу, внизу, надо спуститься к реке.

– Вот черт! Мы спешим? – спросил врач у водителя, явно не желая связываться с каким-то там утопленником.

– Да он еще живой! – быстро заговорил Колька. – Еще дышит. У него голова разбита.

– Вот незадача. Ладно, пошли посмотрим.

Минут через пятнадцать, когда мужчину сунули в «скорую помощь», Колька и Игорь облегченно вздохнули.

– Поедете с нами, пацаны.

– Никуда мы не поедем. Здесь наши велосипеды, плот, рюкзаки, жратва... Куда мы поедем?

– А я что насчет его скажу?

– Не наше дело, теперь он ваш. Спасибо!

– Подождите.

Тот, кого мальчишки называли «утопленником», дышал и у него прощупывался пульс. Правда, едва различимый, и врач, когда щупал пульс, недовольно кривил тонкие губы, оглядываясь по сторонам. Если бы не подростки, то наверняка он не стал бы связываться с утопленником.

– А ваши фамилии? – спросил водитель.

Колька назвал фамилию Игоря, а Игорь назвал Колькину. Они сказали, где учатся и назвали номер дома и улицу где живут.

Врач записал.

– Ладно, если что, вас найдут.

– Ага, найдут.

«Скорая помощь» с ярко-красным, недавно отпечатанным крестом развернулась прямо на дороге и с включенной мигалкой, воя сиреной, понеслась к городу.

– Ну вот, испортили всю рыбалку. Так бы, может, чего и поймали бы.

– Может быть...

– Так что будем делать?

– Давай пожрем. У меня есть сало, помидоры, огурцы.

– Давай пожрем, – предложил Игорь.

– Хорошее дело, нам на том свете зачтется!

– Если он бандит, то вряд ли.

И парни, спустившись к велосипедам, распаковали рюкзак и принялись завтракать, запивая еду горячим чаем из термоса. Они громко переговаривались, обсуждая случившееся, гордились собой.

– Хоть рыбы и не наловили, зато мужика спасли, – говорил Игорь.

– А может, еще наловим.

Перекусив, они стали удить прямо у травы, на небольшой глубине. И на этот раз им повезло – попали на рыбное место. Клев был такой, что Колька с Игорем забыли обо всем происшедшем и только успевали забрасывать удочки, да снимать с крючка рыбу. Подлещик шел один за другим, не очень крупный, но и не мелкий – граммов по триста-четырееста. Ловить его было одно удовольствие, и вскоре садки, висевшие в воде по обеим сторонам плотика, стали тяжелыми. В них всю плескалась рыба.

– Ну, давай, давай, – приговаривал Колька, – вот на место классное напали, а? Если бы не этот мужик, то сидели бы на глубине, как два лоха, ждали бы, пока подойдет.

– Опа, есть! – приговаривал Игорь, ловко подсекая и выуживая подлещика.

– И у меня есть! – вторил ему Колька.

Туман рассеялся окончательно, была видна вся река, железнодорожный мост и другой, автомобильный, метрах в трехстах от железнодорожного. Так же был виден и город на левом берегу реки, вернее, не сам город, а пригород. Но парни на город, где располагалась их школа, не смотрели, они были слишком увлечены ловлей рыбы.

Лишь к обеду клев немного стих. За каких-то два часа мальчишки наловили по садку рыбы и чувствовали себя настоящими победителями. Они уже не только не жалели, что вытащили из воды полумертвого мужчину, они даже умудрились о нем забыть.

– Повезло ему, – вспомнил Игорь.

– А часы надо было снять, – сказал Колька, – классные часы. Я бы от таких не отказался.

– Ты что, Колька, грабить – это не дело.

– Так мы же не грабили, просто взяли бы.

– А если бы потом тебя нашли, что бы ты сказал?

– Кто нашел? – воскликнул Колька, вытаскивая подлещика.

– Ну, например, даже сам этот мужик.

– Да он нам должен ноги целовать за то, что мы его спасли. Не то нахлебался бы воды и раки бы его съели.

– Это точно, спасли человека. Как ты думаешь, оклемается?

– А хрен его знает! Наверное, оклемается. Мужик он, вроде, здоровый, вдвоем чуть подняли, наверное, килограммов сто весит.

– Нет, не сто, – возразил Игорь, – просто он весь мокрый и ботинки тяжелые.

– И воды нахлебался, небось.

– Да, может быть. А вообще, если бы не велосипеды, можно было бы отсюда сплавиться куда-нибудь подальше.

– Куда ты имеешь в виду?

– Хотя бы на ту сторону, поближе к городу.

– Можно было бы, но с велосипедами не переплывешь.

– Да, не переплывешь.

У Кольки оторвался крючок и он, ругаясь, принялся привязывать новый. А Игорь за это время успел поймать трех подлещиков.

Часа в три дня мальчишки стали собираться. Они спрятали плот, забросали его камышом, собрали удочки. Долго сушили рыбацкие сапоги, ожидая, когда исчезнут с резины темные пятна влаги.

Наконец сапоги высохли. Они свернули их, положили в мешки и привязали к багажникам велосипедов.

– А теперь давай отсюда вылезать.

Они выволокли велосипеды, затем рюкзаки, удочки, взобрались по откосу на шоссе и весело смеясь, вполне довольные прожитым днем, отправились в город.

Глава 8

Доктора Геннадия Федоровича Рычагова в Клину знали многие. Знали и уважали, и не за то, что он был богат, ездил на шикарном авто, имел большой загородный дом. В общем-то, все это было в порядке вещей. Сегодня как-то не очень принято интересоваться откуда у человека, получающего маленькую зарплату, большие деньги. Уважали его за талант, за золотые руки. Уже лет двенадцать Геннадий Федорович работал заведующим хирургическим отделением районной больницы и работал очень успешно.

Не сотни, а тысячи жизней спасли его талант и золотые руки. К нему обращалось местное начальство, когда надо было сделать сложную операцию, и Рычагов не отказывал, всегда брался за дело. И как правило, выходил победителем. Если бы он хотел, то давным-давно стал бы очень известным хирургом и практиковал в какой-нибудь московской клинике, и тогда к нему ехали бы депутаты всех мастей и всевозможных уровней, генералы, министры.

Но Геннадий Федорович в свое время сообразил, что лучше быть первым в Клину, чем десятым или двадцатым в Москве. А здесь он был первым. Но, естественно, трудом праведным не построишь палат каменных. Эту истину Геннадий Федорович понял давно, лет десять назад. Понял и претворил в жизнь.

Кроме лечения больных и кроме проведения плановых операций, Геннадий Федорович в рабочее время имел и другое занятие – в операционной больницы резал, зашивал, лечил авторитетов криминального мира. Ведь в последнее время чуть ли не каждый день среди бандитов происходили разборки. Кого-то резали, кого-то стреляли или взрывали. А куда везти пострадавшего криминальный мир знал – есть хирург Рычагов. Правда, далековато от Москвы, но зато надежно. Там прооперируют, там и досмотрят, поставят на ноги.

И воры в законе, авторитеты, коронованные и некоронованные, богатые и бедные, влиятельные и не очень, обращались за помощью к Геннадию Федоровичу. Оперировал он в больнице, в той же операционной, где удалял камни, резал язвы пенсионерам и ветеранам отечественной войны. А вот выхаживали авторитетов уголовного мира в его загородном доме, там под это было приспособлено целое крыло.

Там имелись две палаты с видом на озеро, огромный бетонные забор, железные ворота, а за забором участок площадью в несколько гектаров. Местные власти понимали, что доктор Рычагов занимается незаконной практикой, но что поделаешь, неровен час и самому придется лечь под нож. Ведь никто не застрахован от болезней – ни мэр, ни начальник милиции, ни чиновники из налоговой инспекции. Все закрывали глаза и улыбались, когда слышали фамилию Рычагов. А Геннадию Федоровичу только это было и надо: не мешайте работать, не мешайте жить и я помогу всем.

Двадцать четвертого сентября тысяча девятьсот девяносто пятого года ровно в девять утра Геннадий Федорович приступил к операции, к очень сложной операции. За подобную не взялся бы даже маститый профессор из столичной клиники, а вот сорокадвухлетний кандидат наук Геннадий Рычагов взялся, засучив рукава. Он любил экспериментировать, любил рисковать и его риск почти всегда вознаграждался.

Персонал больницы Рычагова любил, ведь это благодаря ему, благодаря его усилиям, таланту больница была оборудована так, что ей могли позавидовать многие столичные клиники: прекрасная импортная аппаратура, операционная оснащена по последнему слову техники. Но самым главным в этой больнице был Рычагов, его талант, его золотые руки. На них все и держалось.

Рычагов не отказывался ни от каких операций. Привезут ребенка с аппендицитом и смертельно уставший Рычагов брался за скальпель, если оказывался в это время в больнице. И как правило, спасал ребенка, спасал старика, молодую женщину и вообще, почти всех, кто попа-

дал к нему на операционный стол. Случались, конечно, промахи, но ведь Геннадий Федорович Рычагов не был богом. У каждого бывают ошибки. Но у Рычагова, в отличие от его коллег хирургов, ошибок случалось так мало, что их можно было пересчитать на пальцах одной руки.

На сегодняшний день было запланировано три операции, две из которых Геннадию Федоровичу представлялись простыми и, как он рассчитывал, каждая из них не займет даже часа. А вот одна обещала быть довольно сложной, и к ней Геннадий Федорович готовился.

Еще с вечера он просмотрел кучу атласов, кучу журналов и был в курсе того, что он может сделать, и на что может рассчитывать больной.

Но его планам не суждено было сбыться. Он уже сидел в кабинете, пил крепкий душистый чай со своей неизменной ассистенткой Тамарой, весело улыбаясь, показывая крепкие белые зубы, рассказывал молодой женщине анекдот. И в это время Тамара тряхнула головой, темные локоны рассыпались по плечам.

– Геннадий Федорович, – она к шефу всегда обращалась по имени-отчеству, – по-моему, «скорая».

– «Скорая»? – спросил Рычагов, встал с кресла, подошел к окну и сквозь планки жалюзи выглянул во двор. – Ты права, – сказал хирург, делая глоток, – точно «скорая», хоть и не наша, – во дворе стоял грязно-зеленый УАЗ. – Слух у тебя, Тамара, прекрасный.

– Да бросьте вы шутить, Геннадий Федорович.

– Нет, нет, я серьезно. Может, ты еще и на скрипке играешь?

– Если бы я играла на скрипке, Геннадий Федорович, тогда мы с вами играли бы дуэтом – вы на своей флейте, а я на скрипке. Но, к сожалению, мне в детстве медведь на ухо наступил.

– Тамара, хотите я сделаю вам операцию?

– Какую?

– Изменяю форму ушей.

– Бросьте, бросьте шутить!

Рычагов стоял у окна и смотрел на то, что происходит у машины «скорой помощи», даже поставил чашку на подоконник, рядом с хрустальной вазой с пышным букетом белых роз.

– Кажется, Тамара, сейчас нам будет работа.

– С чего вы взяли, что нам, Геннадий Федорович?

– Мне так кажется, интуиция подсказывает.

– Значит, точно будет, – ответила Тамара и улыбнулась.

А через пять минут Рычагов мыл руки, еще через десять находился в операционной, а на операционном столе лежал Сергей Дорогин с ножевым ранением и черепно-мозговой травмой.

Кроме Рычагова в операционной присутствовали еще два хирурга. Всех, кого смог, Рычагов «поставил под ружье». Прогноз был неутешительным.

– Я бы не брался на вашем месте, Геннадий Федорович, по-моему, его не спасти, – сказал пожилой хирург, снял очки и стал протирать линзы.

– Думаете, Андрей Андреевич?

– Думаю, да. Он потерял слишком много крови, пульс почти нулевой... В общем, я даже не знаю, что здесь можно сделать.

– Буду оперировать. Кстати, кто это, откуда привезли?

– Лежал в реке, – сказал пожилой хирург. – Сколько он там пролежал неизвестно.

– Буду оперировать, – более настойчиво произнес Геннадий Федорович, – Тамара, готовьте операцию.

– Наша помощь вам нужна?

– Вы все еще считаете, что операция бессмысленна?

– Да.

– Нет, вы не нужны мне сейчас.

– Рискуете, слишком сильно рискуете.

– Я всегда рискую. Кстати, кто не рискует, тот не пьет шампанское. Анестезиолога сюда, будем оперировать.

Случай был необычным. С подобным букетом травм Рычагову сталкиваться раньше не приходилось. Через несколько минут принесли снимок, и Геннадий Федорович принялся его изучать.

Да, ситуация была безнадежной. Но Рычагову почему-то хотелось рискнуть, он и сам не знал из-за чего. Шанс на то, что этот мужчина выживет, был почти нулевым. Но шанс, хоть и ничтожный, все-таки имелся, один из тысячи, но был. И стоило рискнуть, стоило взяться.

Тамара смотрела на Геннадия Федоровича так, как преданный пес смотрит на хозяина.

– Давай, давай, Томочка, готовимся.

– А может не надо, Геннадий Федорович? – спросила женщина.

– Надо, дорогая, надо. Попробуем. Так умрет или под скальпелем умрет, а вдруг спасем?

– Ну, смотрите...

Операция длилась пять часов. И все эти пять часов Геннадий Федорович Рычагов провел на ногах. Когда операция закончилась, он был мокрый. Пот тек по спине, по лицу, и Тамара даже не успевала салфеткой вытирать его.

– Все, – выдохнул Рычагов, покидая операционную и пошатываясь, время от времени приостанавливаясь, направился в свой кабинет. Тамара спешила за ним.

– Ну, что скажешь? – обратился Рычагов к ассистентке, сдирая с лица маску, а с рук перчатки.

– Такого я еще не видела, – не скрывая восхищения произнесла Тамара. – Талант либо есть, либо его нет.

– Сегодня, наверное, мой день, сегодня, наверное, звезды благоприятны ко мне и господь бог помог мне совершить невозможное.

– Так вы думаете, он будет жить?

– Теперь все в его руках, – сказал Рычагов, – если ему самому захочется выжить, то будет жить, а если не захочется, тот тут мы все бессильны. Кстати, Тома, следи и докладывай как он там. Правда, я думаю, он придет в себя дня через два или три, слишком уж ему голову размозжили, да и нож прошел в каком-то миллиметре от сердца. В общем, везучий этот мужик.

– Ему повезло, что вы были на месте, – произнесла Тамара, включая электрочайник.

– Нет, нет, чай потом. Возьми там, в шкафу, коньяк, налей мне вот столько, – и Рычагов, сдвинув три пальца, приложил их к стакану, показал Тамаре сколько наливать. – И себе налей, ты тоже трудилась, как пчелка, наверное, два литра пота с меня вытерла.

– Да ну, Геннадий Федорович, бросьте, бросьте.

– Да ты и сама мокрая, у тебя майка к телу прилипла так, словно ты под дождем была. Никогда раньше не замечал, что бы ты потела.

– Ерунда, сейчас приму душ.

– Нет, вначале давай выпьем, надо снять напряжение.

Тамара достала коньяк, Рычагов подошел к ней, взял из рук бутылку.

– Кстати, Томочка, женщине наливать неприлично, давай этим займусь я.

Рычагов налил и, взяв стакан, передал его Тамаре.

– Ну, за здоровье нашего пациента!

– За вас, Геннадий Федорович, только за вас, за ваши золотые руки.

– Перестань, Тома, ты мне это говоришь почти каждый день.

– Я это могу говорить по десять раз в день, потому что это правда.

– Если ты меня так будешь хвалить, я могу испортиться. Зазнаюсь, перестану практиковать, буду только, как Андрей Андреевич, недовольно морщить лоб, кривить губы, снимать и надевать очки и при этом повторять: «Шансов мало, лучше не браться... Шансов мало, он не жилец...»

– Да нет, что вы!

– Ну, вот и хорошо. Давай за его здоровье, пусть скорее поправляется. Кстати, что у нас еще сегодня?

– Еще три операции плановые.

– Вот отдохну часок, приму душ и за работу.

Буду резать и шить. Или пусть живут, как ты считаешь?

– Ваши шутки, только в морге пересказывать, Геннадий Федорович...

– Да ладно тебе, – Рычагов выпил коньяк и подмигнул Тамаре, – ты как хочешь, а я пошел в душ. Надо все смыть, я липкий, как пиявка.

– Я тоже приму душ.

– Пойдем вместе?

– Бросьте шутить. На работе?

– Нет, я серьезно.

Тамара задумалась. Принимать душ вместе со своим шефом на работе ей уже приходилось, правда, это было полгода тому назад. Тогда Геннадий Федорович буквально спас, буквально воскресил молодого мужчину в сплошных татуировках, исколотого и изрезанного ножами так, что, как говорится, на теле не было живого места. Рычагов его тогда спас. И через месяц татуированный мужчина покинул больницу на шикарном черном «мерседесе».

– Нет, Геннадий Федорович, – не скрывая смущение, сказала Тамара, – в другой раз.

– Ну, как знаешь.

– Знаю.

– Знать и хотеть – вещи разные.

Через пять минут Рычагов уже стоял под упругими теплыми струями, запрокинув голову. Он негромко напевал, покачиваясь из стороны в сторону. Он уже не думал о своем недавнем пациенте, хотя операцию помнил в мельчайших подробностях, каждый шов, каждый разрез. И если бы было нужно, он смог бы воспроизвести ее в деталях всю от начала до конца.

– Ох, как я устал! – поднимая вверх руки, бормотал Рычагов. – Но как здорово, как здорово! – он медленно повернул ручку, и на него обрушились ледяные струи воды. – Как хорошо! Вот так, так, – произносил он, обращаясь к самому себе.

Затем он растерся большим махровым полотенцем, переоделся во все чистое и направился по больничному коридору в реанимационное отделение.

* * *

Во второй половине дня двадцать четвертого сентября светило яркое осеннее солнце. Джим Савелия Мерзлова подъехал к загородному дому, и водитель трижды просигналил. Над железными воротами появилась голова охранника, повертелась, как флюгер в ураган, и после этого ворота отворились.

Джим въехал во двор. Савелий Мерзлов выбрался из салона и осмотрелся по сторонам. Все здесь было как в сказке. Огромный роскошный дом, сад, скамейки, беседки. На пороге дома в теплом свитере и вельветовых брюках появился хозяин – Лев Данилович Бирюковский. Возле его ног крутился рыжий сеттер.

– О, кого мы видим! Савелий Борисович собственной персоной! – радостно произнес Лев Данилович. – Проходи, дорогой, проходи, гостем будешь.

Хоть все эти слова и были произнесены радостным тоном, в глазах хозяина дома таились недоверие и настороженность. Мужчины пожали друг другу руки.

– А ты хорошо выглядишь, Лев Данилович.

– Стараемся, стараемся, – ответил Бирюковский. – Да проходи, что ты топчешься на пороге.

Мужчины вошли в дом. Здесь было на удивление тепло. В огромном камине пылало пламя, рядом с камином, на столике были разложены свежие газеты.

– Читаешь газетенки? – поинтересовался Мерзлов.

– А ты как думал? Надо же следить за событиями в стране и в мире.

– А какая тебе разница, что происходит в мире?

– Как это какая... От того, что происходит в Америке, на другом конце земли, зависит мое благосостояние.

– Ты что, все свои деньги туда вкачал?

– Зачем ты так, Савелий Борисович! Какую-то часть туда, какую-то часть оставил здесь.

Кое-чего прикупил там, кое-чего прикупил здесь.

– За что я тебя не люблю, Лев Данилович, так это за то, что ты не конкретен. Говоришь какие-то фразы, а что за ними – не понять.

– Ладно, ладно тебе, лучше расскажи, что у тебя. Кстати, как твоя встреча?

– Встреча, как встреча, как положено. Радушная была встреча.

– Давай немножко выпьем, – ласковым голосом обратился к Мерзлову Бирюковский.

– Сейчас я тебе налью. Располагайся вот здесь, в этом кресле возле камина, погрейся, разденься. А то стоишь, как инспектор из налоговой полиции, осматриваешь, осматриваешь все. Небось, хочешь спросить за какие деньги все куплено? Так я тебе отвечу – за свои, за собственные. Думаешь, украл у народа? Нет! У народа-то денег нет, как украдешь.

Мерзлов расхохотался:

– Ну, и изворотлив же ты, Лев Данилович.

– Уж приходится изворачиваться. Кстати, вот коньячок, вот водочка. Чего желаешь?

– Да я к тебе заехал...

– Знаю зачем, за расписочкой.

– Ну, да, можно сказать и так, – таким же ласковым голосом, как хозяин дома, заговорил Мерзлов.

– Так она готова, вот лежит, смотри, – и Лев Данилович Бирюковский приподнял стопу свежих газет, показал расписку своему гостю. – Расскажи, как там произошло? Где наш дружок?

– Наш дружок, Лев Данилович, уже давным-давно на том свете.

– Нет, не темни, расскажи все как было.

– Сбросили мы его с моста, Лев Данилович, сбросили.

– А он не выплывет? – спросил Бирюковский.

– Ты что, забыл какой мост, какая там высота? Да и упал он прямо возле опоры, на бетон.

– На бетон, говоришь?

– Да, на бетон.

– А перед этим, я надеюсь, вы его...

– Да, – сказал Мерзлов, – перед этим мы его зарезали. Так что сейчас его, наверное, раки объедают.

– Так ты говоришь, не выплывет? Раки, говоришь, его кушают? Кстати, может быть ты, Савелий, хочешь раков? Так у меня есть.

– У нас на базаре куплены?

– Нет из магазина.

– Можно и раков, но лучше в другой раз. Меня интересует расписка.

– Ну, раз интересует, и если ты говоришь, что нашего каскадера раки кушают, возьми ее.

Мерзлов взял лист писчей бумаги и принялся его рассматривать.

– Твоя, твоя.

– Наверное, у тебя таких расписок набралось, Лев Данилович.

– Да, хватает, – перебил гостя хозяин. – Хватает, хватает. Понимаешь, разные люди ко мне приходят, кому десять тысяч надо, кому сто. В общем, приходят, а я, ты же знаешь, человек не жадный и если в состоянии, то всегда помогаю.

– Да знаю я, как ты помогаешь, знаю я твои грабительские проценты.

– Проценты божеские, – ласково произнес Бирюковский, – бывают и покруче.

– Ну и хорошо.

– Давай выпьем.

– Погоди, погоди, – Мерзлов подошел к камину и, держа расписку за край, сунул ее в пламя. Бумага мгновенно занялась.

– Да брось, брось ее в огонь, а то насыплешь пепла на ковер. А ковер дорогой, ручная работа, вновь мне должен будешь.

Мерзлов бросил расписку в огонь и еще несколько мгновений смотрел, как бумага чернеет, а затем рассыпается, превращаясь в пепел.

– Ну вот, значит, я тебе ничего не должен.

– Конечно ничего, – сказал Бирюковский.

– Ну и слава богу, одним долгом меньше.

– А можно подумать, что у тебя, Савелий Борисович, долгов много.

– Хватает. Кстати, сколько ты был должен каскадеру?

– Немного.

– А вот я ему должен больше. И слава богу, что так все закончилось.

– Да, в общем-то, удачно, – Бирюковский в конце концов смог-таки усадить Мерзлова, налил ему коньяка, и мужчины глядя друг на друга выпили. – Скользкий он какой-то был человек и наглый, – ласковым голосом сказал Бирюковский.

– Несговорчивы-ы-й, – растягивая слово, прошептал Лев Данилович. – Я ему и так и эдак объяснял, а он уперся, и ни в какую. Правда, давно это было и много воды с тех пор утекло. Я, честно говоря, надеялся, что он там и останется. Деньги немалые заплатил...

– Не ты один заплатил. Кстати, может ты мне объяснишь, Савелий Борисович, почему он вышел на свободу?

– Вот этого я и не знаю.

– А он не убежал, часом, из тюрьмы?

– Нет, не убежал, выпустили. Все по закону.

– А как же наши люди там? Мы же им деньги передали, чтобы они его там оставили навсегда.

– Что-то не сложилось, я еще не разобрался.

– Так ты разберись, Савелий Борисович, а то как-то впустую не хочется деньги отдавать.

– Разберусь, не волнуйся.

– Деньги они, конечно, нам назад не вернут.

– Деньгами не вернут, это точно, а вот работой мы с них возьмем, – сказал Мерзлов, мелкими глотками смакуя ароматный коньяк.

– Жаль, хотя, в общем-то, деньги не большие, но просто так отдавать бабки я не привык. А вот у меня к тебе есть деловое предложение, – уже другим голосом сказал Бирюковский.

И Мерзлов понял, что сейчас разговор принимает серьезный оборот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.